

Джек Лондон
Лунный лик. Рассказы южных морей.
Приключения рыбачьего патруля (сборник)
Серия «Джек Лондон. Собрание сочинений
(Клуб семейного досуга)», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8225048
Джек Лондон. Лунный лик. Рассказы южных морей. Приключения рыбачьего патруля.: Книжный
Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-2526-1*

Аннотация

В новом томе собрания сочинений читатель найдет три цикла рассказов: «Лунный лик», «Рассказы южных морей» и «Приключения рыбачьего патруля». Созданные в разные периоды творчества, они рассказывают о людях, держащих судьбу в собственных руках, – о таких людях, к которым принадлежал и сам Джек Лондон.

Содержание

Лунный лик	4
Лунный лик	4
Золотое ущелье	8
Планчет	16
Местный колорит	32
Любимцы Мидаса	39
Рассказ укротителя леопардов	48
Любительский вечер	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джек Лондон

Лунный лик. Рассказы южных морей. Приключения рыбачьего патруля

Лунный лик

Лунный лик

У Джона Клэверхэуза было абсолютно лунообразное лицо. Вы, конечно, знаете этот тип – широкие скулы, совершенно теряющийся в щеках подбородок и широкий, толстый нос, как центр, находящийся на равном расстоянии от всех точек периферии кругоподобного лица! Вполне возможно, что именно поэтому я его ненавидел, – он раздражал меня всем своим видом, и я не сомневался в том, что земля тяготится его присутствием.

Повторяю, что я ненавидел Джона Клэверхэуза. И вовсе не потому, что он мне сделал то, что общество признает дурным. Ничего подобного. Зло, причиняемое им, было совершенно особого, глубокого, утонченного свойства; оно было крайне обманчиво, неуловимо и совершенно не допускало определенного словесного выражения.

Такие явления в определенный период жизни известны всем нам. Случайно мы встречаем человека, о существовании которого минуту тому назад и не подозревали, и тем не менее говорим в первый же момент: «Мне не нравится этот человек».

Почему он нам не нравится?

Ах, да мы сами не знаем почему; мы знаем только, что не нравится. Мы почувствовали к нему антипатию – вот и все! Такого рода чувство я испытывал к Джону Клэверхэузу.

Какое право имел этот человек на счастье и благополучие? А между тем он был ярко выраженным оптимистом: всегда был весел и смеялся; все на свете хорошо, черт его возьми! Господи, как меня оскорбляло то, что он счастлив! Другие люди могли смеяться, сколько угодно, – это меня ничуть не беспокоило. Я сам много смеялся, пока не встретил Джона Клэверхэуза.

Его смех! Он раздражал и бесил меня, как ничто другое под солнцем не могло раздражать и бесить меня. Этот ужасный, отвратительный смех гнался за мной повсюду, преследовал, захватывал меня, как клещами, и не выпускал. Во сне и наяву я слышал его... Словно какая-то огромная, дьявольская трещотка издавала эти звуки, которые со всех сторон доносились ко мне и безжалостно рвали струны моего сердца. На рассвете он мчался ко мне через поля и нарушал мои легкие утренние грезы... А в мучительные полуденные часы, когда сонно повисала зелень, в глубь леса удалялись птицы и от зноя замирала вся природа, – я слышал чудовищное «ха-ха, хо-хо»... Эти звуки поднимались к небу, душили все, хотели затмить солнце. А в темные ночи от того перекрестка, где Джон Клэверхэуз сворачивал к себе по дороге из города, доносился все тот же проклятый, раскатистый, истерический хохот и будил меня, и заставлял содрогаться в корчах, и глубоко вонзать ногти в ладони.

Однажды я тихонько загнал его скот на его же вспаханные поля, а утром услышал крикливый голос:

– Ну, что же, это бывает! Каждая скотинка ищет, где лучше. Вот и выбрала пастбище пожирнее.

У него была собака Марс, прекрасное, огромное животное, полугончая, полуищейка. Марс был его лучшим другом, с которым он никогда не расставался. Но однажды я воспользовался отсутствием хозяина и угостил Марса бифштексом со стрихнином. Уверяю вас, что на Джона Клэверхэуза это не произвело никакого впечатления. Его смех был ясен и задумчив по-прежнему, и по-прежнему лицо его напоминало полнолуние.

В другой раз я поджег его скирды, а на следующий день – это было воскресенье – я его встретил, как всегда радостного и веселого.

– Куда это вы? – спросил я, увидев его на перекрестке.

– За форелями, – сказал он, и лицо его сияло, как полный месяц. – Вы знаете, ведь я брежу форелями.

Ну можно ли найти другого такого невозможного человека? Весь хлеб его пропал, и я знал, что он не был застрахован. Джону Клэверхэузу грозил голод, жестокая зима, а он шел за форелями. И если бы печаль хоть сколько-нибудь изогнула его брови или удлинила лицо и сделала его менее похожим на луну, если бы хоть раз в жизни он сбросил с лица свою отвратительную улыбку, я уверен, что простил бы ему факт его существования. Нет, под ударами судьбы он становился все беззаботнее и веселее! Я однажды намеренно оскорбил его. Он удивленно улыбнулся:

– Вы хотите, чтобы я дрался с вами? – медленно спросил он и рассмеялся. – Господи, как вы наивны! Хо-хо! Вы меня уморите. Хи-хи-хи... Хо-хо-хо...

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Это переполнило чашу моего терпения. Господи, как я ненавидел его! Потом еще эта фамилия! Клэверхэуз! Что за фамилия, что за абсурдная фамилия! Клэверхэуз! Милостивый боже, *почему* Клэверхэуз? Я бы ему многое простил, если бы его звали Смитом, Брауном или Джонсом. Но Клэверхэуз! Имеет ли право на существование человек с такой фамилией? Я спрашиваю вас. Вы говорите: «нет», и я говорю: «нет!»

У меня хранилась закладная на его имение. Приняв во внимание тяжелое его положение после пожара, я прекрасно понимал, что он не сумеет уплатить по закладной, и, следовательно, осталось только найти ловкого и искусного кулака и продать ему закладную. Это я сделал, и Джону Клэверхэузу было дано только несколько дней на вывоз имущества из

имения, в котором он жил более 20 лет. Я спустился вниз, чтобы посмотреть на него. Он встретил меня, весело подмигивая тарелкообразными глазами; свет все больше и больше озарял его лицо, и через несколько секунд оно уже было похоже на полную, ясную луну, высоко стоящую в небе.

– Ха-ха-ха! – засмеялся он. – Забавный случай! Дайте я вам расскажу, это замечательно!

Он стоял внизу, почти у самой воды; в это время с горы отвалился огромный ком глины, скатился в воду и забрызгал Джона Клэверхэуза.

Подобного приступа адского хохота я еще не слышал. Джон Клэверхэуз остановился только на мгновение, чтобы выждать, пока я присоединюсь к его бешеному веселью.

– Я не вижу тут ничего смешного, – сухо и коротко сказал я.

Он взглянул на меня с удивлением, а спустя несколько мгновений его лицо уже снова светилось, как полная летняя луна.

– Ха-ха!.. Ничего смешного?! Хи-хи! Неужели вы не чувствуете? Хо-хо-хо! Ну, вот, видите ли, лужа...

Я повернулся и оставил его.

Наступил конец – дольше терпеть его я был не силах.

«Так или иначе с ним нужно покончить, дьявол его побери!» – рассуждал я.

Необходимо, наконец, освободить от его присутствия бедную землю... В этой мысли меня все больше укреплял чудовищный смех, который, словно по пятам, гнался за мной. Конец!..

Я горжусь тем, что всегда чисто, педантично и аккуратно обделяваю свои делишки. Когда у меня мелькнула мысль убить Джона Клэверхэуза, я решил сделать это так, чтобы никогда в жизни мне не пришлось устыдиться содеянного. К тому же я ненавижу неприкрытое зверство. Мне отвратительно зрелище голого кулака, наносящего смертельный удар. Убить Джона Клэверхэуза (о, что за имя!) надо было искусно, артистически... И таким образом, чтобы на меня не пало ни малейшее подозрение.

Спустя неделю, после сосредоточенного раздумья я выработал необходимый план. Я приобрел пятимесячную болонку-суку и все свое время стал посвящать ее дрессировке, причем главное внимание обращал на процесс *возвращения*. Я научил Беллону приносить палки и разные другие вещи, которые бросал далеко в воду, и строго наказывал ее, если она хоть сколько-нибудь впивалась зубами в дерево! В самом скором времени результаты дрессировки меня вполне удовлетворили, и я решил перейти к выполнению своей непосредственной цели.

Зная закоренелую слабость Джона Клэверхэуза и его любовь к собакам, я подарил ему Беллону.

– Нет, вы шутите! – сказал он мне и улыбнулся так, что в одно мгновение озарилось все его круглое лицо. – Вы смеетесь надо мной! Странно, может быть, но мне почему-то всегда казалось, что вы относитесь ко мне без всякой симпатии. Не правда ли, очень смешно, что я так ошибался?

И с этими словами он покатился со смеху.

– Как ее зовут? – спросил он в промежутке между двумя пароксизмами смеха.

– Беллона!

– Хи-хи! – захихикал он. – Какое странное имя!

Я заскрежетал зубами и с усилием произнес:

– Это жена Марса, вашего покойного Марса.

– Значит, Беллона – вдова! О! Хо-хо-хо!.. Хе-хе...

Я не в состоянии был выдержать эту пытку и убежал. Спустя неделю, в субботу вечером, я сказал ему:

– Если не ошибаюсь, вы в понедельник уезжаете?

Он кивнул головой и улыбнулся.

– Значит, вам не удастся более полакомиться форелями, которыми вы бредите?

Он не уловил моей насмешливой нотки и заявил с прерывистым смехом:

– Нет, завтра утром я думаю попытаться...

Таким образом я убедился в своем предположении и в восторге от своих планов направился домой. Увидя его утром с сеткой и мешком из тонкой рогожи за плечами, я понял, куда он направляется. Я пересек по диагонали пастбище и по кустарнику, незамеченный, поднялся на верхушку горы, откуда свободно, не выдавая своего присутствия, мог следить за происходящим на берегу.

Вскоре я увидел Джона Клэверхэуза, за которым вприпрыжку неслась Беллона; оба, видимо, были в самом приподнятом настроении; короткий, отрывистый лай собаки поминутно сливался с глубокими, басовыми нотками смеха ее хозяина, который, сбросив на землю мешок и сетку, вынул из кармана нечто, весьма похожее на толстую сальную свечку. Но я прекрасно знал, что это была не свечка, а кусок «гиганта», которым он взрывал форелей: новый, оригинальный способ ловли рыбы. Он завернул трубку в вату, зажег ее с одного конца и бросил в воду.

С быстротой молнии Беллона бросилась за трубкой, и я едва удержался, чтобы не закричать от радости. Клэверхэуз завопил изо всех сил, но напрасно. Тогда он стал бросать в собаку комьями земли и камнями, а та продолжала плыть до тех пор, пока не схватила зубами «гиганта», и только после этого повернула к берегу. Джон Клэверхэуз сразу сообразил, какая опасность ему угрожает, и немедленно обратился в бегство... Беллона, конечно, бросилась за ним. Я никогда не представлял себе, что неуклюжий Джон Клэверхэуз способен так быстро бегать... Но все его усилия были тщетны...

Беллона догнала его, и в ту же секунду блеснула искра... другая, поднялся клуб дыма, раздался взрыв, и через секунду на том самом месте, где стояли человек и собака, не оказалось ничего: только огромная яма в земле.

«Смерть от несчастного случая во время противозаконной рыбной ловли!» – вот как формулировал суд гибель Джона Клэверхэуза. Полагаю, что я имею право гордиться тем артистическим способом, коим покончил с моим злейшим врагом. О зверстве – нет и помину: мне не приходится краснеть. Надеюсь, что вы согласны со мной.

Теперь уже не раздастся адский хохот Джона Клэверхэуза и горное эхо не повторяет и не множит его. Уже не видно его толстого, луноподобного лица...

Теперь спокойны дни мои и крепки сны...

Золотое ущелье

Это происходило в зеленом сердце ущелья. Мрачные откосы расступились и образовали уютный, укромный уголок, весь напоенный мягкостью, нежностью и покоем.

Казалось, все вокруг отдыхает, и даже шумный, быстрый ручей, протекая вдоль ущелья, замедлял свой торопливый бег. По колени в воде, низко опустив голову, с полужакрытыми глазами стоял рыжий, с ветвистыми рогами олень.

По одну сторону ручья, почти у воды, начиналась небольшая зеленая лужайка, которая доходила до самой подошвы сурово нахмуренной стены. А по другую сторону, прислонясь к стене ущелья, подымался высокий откос, покрытый изумрудной травой, почти сплошь испещренной желтыми, лиловыми и золотистыми цветами... Внизу стены снова смыкались, и ущелье заканчивалось множеством скал, нагроможденных друг на дружку, затянутых мхом и укрытых, как ширмами, ветвями деревьев и высокими травами. Наверху, теряясь на расстоянии, в неопределенных очертаниях вырисовывались поросшие лесом холмы и верхушки гор. А еще дальше, словно облака или причудливые белые минареты, залегли снежные вершины Сиерры...

Пыль не проникала в ущелье, и вся растительность была чиста и свежа. Трава выглядела, как новый бархат... По другую сторону ручья три тополя бросали на землю белые, медленно кружащиеся в воздухе хлопья. На пологом откосе росла манцанита, наполнявшая воздух нежным, весенним ароматом. Кое-где стаей мгновенно замерших мотыльков стояли пышные разноцветные лилии, каждое мгновение, казалось, готовые подняться в воздух. Часто попадался мадрон – арлекин лесов! – который наполнял воздух сладким запахом своих желтовато-белых, как воск, ландышеподобных колокольчиков.

Ветер замер, и под тяжестью ароматов застыл воздух – чистый и прозрачный, насыщенный сладостью цветов и растворенного солнечного света. Изредка мелькали бабочки; со всех сторон доносилось дремотное жужжание горных пчел... Ручей почти бесшумно протекал вдоль ущелья, и едва-едва слышалось его тихое-тихое бормотание.

Внутри ущелья всякое движение принимало легкие колебательные формы. Вверх и вниз подымались солнечные лучи и мотыльки. Жужжание пчел переливалось в журчание ручья. Зыбь звуков сливалась с зыбью цветов в одно нежное, легкое и неопределенное, что олицетворяло собой дух ущелья – дух мира и покоя, но не смерти, – движения, но не действия, – дух тишины, говорящей о жизни, лишенной усилий и какой бы то ни было борьбы...

Рыжий олень, подчинившись духу ущелья, стоя в воде, задремал... Время от времени под журчание ручья лениво трепыхались его уши... Нечего было тревожиться... все спокойно – все... Но вдруг уши оленя напряглись и вытянулись кверху. Тонкие, трепетные ноздри потянули воздух... Олень не мог проникнуть глазами за зеленую ограду, но его слух уловил подобие человеческого голоса... Вот голос зазвучал тверже и определеннее, слегка нараспев... Послышался лязг железа о камень. Олень заржал и так стремительно рванулся вперед, что один прыжок перенес его на зеленый бархатный луг, по которому, оглядываясь и прислушиваясь, он стал тихо пробираться, а затем, как видение, исчез из виду.

Человеческий голос все приближался, и уже можно было расслышать слова песни... Одновременно слышалось, как кто-то карабкается по стене, и тогда испуганный дух ущелья бежал по следам рыжего оленя. Зеленые ширмы были раздвинуты чьей-то дерзкой рукой, и из-за них выглянул человек, быстрым взглядом окинувший все вокруг. По его взгляду можно было судить, что это человек толковый. Оглянув все вокруг, он стал подробно осматривать все детали и только после того удовлетворенно воскликнул:

– Ах, черт возьми! Да ведь здесь – сущий рай... Все, что угодно: и лес, и ручьи, и луг, и горный откос! Настоящий приют отдохновения.

Это был белобрысый человек, с веселыми и добродушными глазами. На подвижном лице его каждая мысль, каждое внутреннее движение отражались, как в зеркале.

Словно рябь на поверхности воды, по лицу его быстро пробегали мысли. В общем он выглядел белобрысым, но трудно было определить как цвет его лица, так и цвет редковатых, давно нечесанных волос.

Только глаза были определенного ярко-синего цвета... В глазах этих сверкала чисто детская наивность и добродушный смех, но по ним же можно было судить и о большой доле самоуверенности и твердой воли – следствии жизни, полной скитаний, волнений и всевозможных случайностей.

Новоприбывший безусловно знал себя и цену себе.

Выбросив вперед кирку, лопату и таз для промывки золота, он вслед за этим и сам пробился вперед. На нем были старые брюки, черная ситцевая рубашка, грубые, подбитые гвоздями сапоги и самой неопределенной формы шляпа, говорившая о многолетней борьбе с непогодой, зноем и дымом.

Человек выпрямился во весь рост, жадно оглядел тайный уголок и так же жадно стал вдыхать аромат горного сада. Глаза его превратились в узенькие голубые щелки, лицо скорчилось от восторга, и он радостно улыбнулся.

– Ах, как хорошо здесь! И пахнет как чудесно! Куда там вашим духам и одеколонам!

Ясно было, что он привык разговаривать сам с собой. У него было очень подвижное лицо, которое тотчас же выдавало его настроение и мысли.

Он опустился на землю, припал к воде и медленно стал тянуть ее.

– Вкусно как! – произнес он, оторвавшись от воды и не спеша вытирая губы. После того, все еще лежа на животе, он пытливо стал вглядываться в окружающие откосы, изучая горную породу. Это был взгляд опытного, знающего свое дело человека. Затем он поднялся на ноги и снова стал смотреть на откосы.

– Хорошо! – сказал он и поднял с земли свои инструменты. Ловко переступая с камня на камень, он перешел на ту сторону ручья, набрал немного земли и бросил ее в таз. Присев на корточки, погрузил таз в ручей и стал вращать его, отчего все частицы земли закружились в воде. Крупные легкие частицы всплывали вверх, и ловким движением он выбрасывал их. Иногда, чтобы ускорить дело, он пальцами выбирал со дна крупные, ненужные частицы.

В непродолжительном времени в тазу остался только мелкий ил и песок. Тогда человек перешел ко второй части своей работы, которая требовала наибольшей аккуратности и осторожности. Наконец, когда после продолжительной промывки в тазу, кроме воды, казалось, ничего не осталось, он чрезвычайно искусным поворотом таза выплеснул всю воду и открыл на дне тончайший, как мазок краски, слой черного песка, среди которого после внимательного осмотра обнаружил небольшую золотую крупинку. Затем человек краем таза набрал струйку воды и снова быстро завертел таз, отчего черные песчаные крупинки в возрастающем количестве стали подниматься вверх. После значительных усилий он обнаружил вторую крупинку, снова слил воду и стал зорко следить за каждой уходящей песчинкой... Вот почти у края таза что-то блеснуло. Мелькнула золотая блеска, крохотная, едва-едва видимая, но золотоискатель заметил ее и быстрым движением спустил обратно в таз. Точно так же он открыл вторую, третью и четвертую блеску. Он, как пастух, собирал свое стадо золотых крупинок, любовно следя за каждой из них. Наконец, ушел весь песок, оставив по себе только золотой след. Человек внимательно пересчитал крупинки и обычным искусным поворотом таза сбросил их в воду вслед за песком.

– Семь! – сказал он, с жадным блеском в глазах подымаясь на ноги. – Семь! – повторил он настойчиво, словно боясь забыть эту цифру. Долго после того он с любопытством смотрел на откос. Во всех его движениях чувствовался страстный охотник, напавший на свежий след зверя.

Наконец он сделал несколько шагов вниз по ручью, набрал полный таз земли и снова занялся промывкой.

– Пять! – сказал он по окончании работы и, как прежде, повторил: – Пять!

Он несколько раз проделал подобные операции, обнаруживая все меньшее и меньшее количество золотых крупинок. Последняя промывка дала единственную блеску, и тогда золотоискатель решил сделать перерыв; он разложил костер из сухих веток и закоптил на нем таз. Закончив эту работу и внимательно осмотрев таз, он удовлетворенно кивнул головой: на таком фоне ни единая блеска не убежит от его зоркого взгляда.

Он спустился еще ниже по ручью, и следующая промывка дала ему опять одну блеску. Последующий ряд промывок, несмотря на самую тщательную работу, золота не дал совсем. Но странное дело: по мере того как уменьшалось количество золота, повышалось радостное настроение золотоискателя; неудачи не только не огорчали его, но, напротив, убеждали в чем-то предполагаемом и желанном. Наконец он вскочил на ноги и воскликнул:

– Лопни я на месте, если это не здесь!

После того он стал подниматься вверх по течению от того места, где начал работу. Число золотых блесок все росло.

«Четырнадцать, восемнадцать, двадцать одна, двадцать шесть», – запоминал он. У пруда он наскочил на тридцать пять блесок.

– Жаль! Это можно было бы уже сохранить, – произнес он с сожалением и выплеснул воду.

Солнце стояло высоко.

Человек все шел вперед и вперед, вверх по течению, промывал таз за тазом, причем число золотых крупинок снова стало уменьшаться.

– Замечательно! – опять воскликнул он, обнаружив в последнем тазу единственную крупинку. Пять-шесть промывок ничего не дали... Тогда он поднялся на ноги и радостным взглядом окинул окрестность.

– Да-с, госпожа жила! – сказал он, словно обращаясь к кому-то, засевшему в откосах. – Такое-то дело, сударыня! Дело мое в шляпе, и не сомневайся, что я завладею тобой.

Он поднял голову и взглянул на солнце, застывшее в безоблачной лазури. Затем пошел вниз по ручью, вдоль выкопанных им ямок, немного пониже пруда, перешел через ручей и исчез за деревьями. Но еще долго доносился оттуда его голос.

Через некоторое время раздался стук подкованных сапог; зеленые ветви подались вперед, отшатнулись и, словно в какой-то борьбе, заколыхались взад и вперед. Послышался скрип и типичный шум тяжелого металла, бьющегося о камень. Голос человека с каждой минутой становился все выше и резче. Что-то крупное и грузное пробивалось вперед, наконец сквозь ветви просунулась лошадиная голова, затем показалась и вся лошадь, а над нею дождем посыпались сорванные листья. Лошадь с изумленным видом оглянулась вокруг, потом опустила морду и стала жадно есть сочную траву; вслед за ней вышла вторая лошадь без седока, но с мексиканским седлом, видимо, служившим уже много лет. Наконец вышел и человек, который расседлал лошадей и стал готовиться к привалу: он вынул сковородку, кофейник, разные другие принадлежности и при помощи камней и хвороста разложил большой костер.

– Вот хочется есть! – громко произнес он. – Кажется, наелся бы железных опилок и гвоздей.

Он приподнялся и, нащупывая в кармане спички, случайно взглянул на откос. Пальцы, сжимавшие коробок, разжались, и рука из кармана показалась пустой.

– Нет, надо еще раз попытаться, – сказал он и спустился к ручью. – Знаю, что ничего из этого не выйдет, а попытаться нужно. Обед не убежит!

На расстоянии нескольких футов от первых ямок он начал рыть второй ряд. Уже длиннее стали тени; солнце стояло на крайнем западе, а человек начал третий ряд ямок. Он наметил себе план: изрезать весь откос поперечными рядами ямок. Человек обратил внимание на то, что больше всего золота давал центр, в то время как по краям редко попадались одна-две блестки. По мере повышения линии уменьшались, из чего золотоискатель вполне логично заключил, что где-нибудь наверху линия превратится в точку. Рисунок, таким образом, походил на опрокинутое V.

Конечной целью являлась верхушка, и золотоискателя всего более интересовал вопрос, в каком месте окажется эта верхушка, – конец золотоносной жилы.

– Пожалуйте сюда, сударыня! – сказал он. – Будьте любезны!

– Ну что ж, – продолжил он немного погодя, – если вам не угодно пожаловать сюда, мне придется подняться к вам. Будьте уверены!

С каждой новой пробой ему приходилось спускаться к ручью для промывки; по мере подъема по откосу пробы становились все богаче, и вскоре человек начал ссыпать золотой песок в небольшую жестянку, которую небрежным движением отправлял в карман.

Солнце уже скрылось. Надвинулись и сгустились сумерки, превратившись в вечерний мрак, и только тогда, когда стало трудно различать крупинки золота, человек опомнился и прекратил работу. Он выпрямился и с притворным ужасом воскликнул:

– Господи! А про обед-то я и забыл.

Перебравшись в темноте через ручей, он разжег костер и закусил бобами и лепешками с салом. Костер угасал. Человек, сидя возле него, курил трубку, вслушивался в ночной шум и следил за игрой лунных лучей. Затем приготовил постель, снял сапоги, улегся и до самого подбородка натянул одеяло. В свете луны он походил на мертвеца; но это был живой мертвец, который вдруг поднялся и, уверенно глядя в направлении к откосу, сказал:

– Спите спокойно, госпожа жила! Спокойной ночи!

Разбудили его первые лучи солнца. Он проснулся, стал озиаться вокруг и вспомнил все события последнего дня.

Одеваться ему пришлось недолго: натянул сапоги – и весь туалет. После некоторого колебания, нерешительно переводя взгляды с костра на откос и обратно, он сказал себе:

– Главное, Билль, не торопись. – И принялся разводить костер. – Ну, скажи на милость, чего лететь? Ведь ясно, что госпожа жила не уйдет. Так что и подкрепиться можно. Слышишь, Билль?

Убедив себя окончательно этими словами, он направился к реке, в которую опустил лесу, и через несколько минут вернулся к костру с несколькими чрезвычайно быстро пойманными форелями. После завтрака он сразу же направился к откосу, но у ручья им овладела новая мысль.

– А не мешало б сделать разведку вдоль ручья, – сказал он себе. – Кто его знает, может, здесь и засел кто-нибудь?

Тем не менее он переправился через ручей и усердно принялся за работу, которую без малейшего перерыва закончил только к сумеркам. Тело его совершенно одеревенело; он с усилием выпрямил спину, потянулся и сказал:

– Как вам нравится! Опять не обедал сегодня.

– Ну и подлые же эти жилы, – рассуждал он, устраиваясь на ночь. – Совсем отшибают память. – Он тотчас же добавил, обращаясь к склону: – Спокойной ночи, сударыня!

Поднявшись с зарей, он тотчас же приступил к работе, точно забыл про усталость. Не давая себе отдыха, копал, наполнял таз землей, бегом спускался к воде, промывал и после того опять бегом подымался вверх, причем задыхался, пыхтел и радостно ругался.

Теперь он работал на высоте ста ярдов над водой. Бока опрокинутого V уже приняли определенные очертания и убеждали золотоискателя в скором достижении цели.

Наконец он решил:

– Еще два ярда выше той манцаниты и ярд вправо – вот там-то оно и будет!

После этого, оставив постепенный подъем по откосу, он отправился к намеченному месту, набрал полный таз земли и спустился с ним для промывки к ручью. Золота не оказалось, как не оказалось и в следующих десяти-двенадцати тазах. Тут человек, совершенно забыв про свое человеческое достоинство, осыпал себя самыми замысловатыми и отборными ругательствами.

Спустившись снова к последнему ряду ямок и принявшись за прерванную работу, он стал убеждать себя:

– Возьмись за ум, Билль! Слышишь, возьмись за ум. Пора тебе понять, что сразу счастья не ухватишь. Только шаг за шагом, только постепенно.

По мере того как бока V сближались, жила углублялась; теперь золотые песчинки попадались только на глубине 30 дюймов. Работа с каждым разом становилась все трудней. «Черт знает, куда она еще заберется!» – пробормотал золотоискатель, продолжая, однако, работать. С другой стороны, с каждым разом в тазу оставалось все больше и больше золота. Каждая промывка давала на двадцать, тридцать и даже пятьдесят центов золота, а последний таз принес золота на целый доллар. После этого человек решил отдохнуть.

– Готов биться об заклад, что кого-нибудь черт принесет сюда! – произнес он, почти засыпая, и вдруг приподнялся:

– Послушай, Билль, завтра надо пройти по окрестностям и узнать, что слышно. Понял? Завтра и без всяких разговоров!

На следующий день он поднялся раньше солнца. Первые лучи упали на него, когда он уже взбирался по откосу.

Взойдя наверх, он заметил, что находится посреди пустынной местности. По всем направлениям уходили высокие гряды гор. На востоке, на далеком расстоянии, высились белые гребни Сиерры. На юге и севере тянулись те же бесконечные, но менее высокие горы. На западе горы постепенно понижались, переходили в отлогие холмы, заканчивающиеся, в свою очередь, бесконечной равниной.

Человек долго и сосредоточенно оглядывался вокруг. Вдруг сравнительно близко ему почудилась тоненькая струйка дыма. Но после внимательного осмотра он убедился, что такое впечатление производит синеватая мгла, сгустившаяся в глубине ущелья.

Не медля больше и несмотря на тяжелую обувь, он с легкостью горной козы спустился в ущелье. Казалось, он заранее знал, какой камень грозит падением. И действительно, под его ногами сыпались камни, но это нисколько не останавливало его; он не опирался, а пользовался только мгновенной точкой опоры, которая давала ему возможность переноситься все дальше и дальше. Иногда в качестве опоры он выбирал выступ скалы, узловатый корень, куст, за который схватывался рукой. Наконец последний скачок сбросил его с совершенно отвесной стены на плоскую почву, а вслед за ним осыпалось несколько тонн песка и гравия.

Первый таз принес ему золота более чем на два доллара. Этот таз он набрал в верхушке V. Слева и справа процент золота был самый незначительный. Золотой след все глубже и глубже уходил в землю, и к полудню ямки имели уже до пяти футов глубины. В то же время каждый таз приносил золота на три-четыре доллара. Возрастающий процент золота начал беспокоить золотоискателя.

– Черт возьми, Билль! Дьявольская штука предстоит тебе. Тут, кажется, столько золота, что тебе и в жизнь не вывезти его, – и он ухмыльнулся при мысли о такой необыкновенной перспективе.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Напрасно призывал сон, закрывал глаза, уходил с головой под одеяло... Жажда золота брала верх; она овладела всем его существом, и полусонный, усталый человек поминутно бормотал: «Хоть бы скорей солнце взошло!»

Наконец он уснул, но проснулся, когда звезды только-только стали терять свою яркость; еще стояли утренние сумерки, когда он позавтракал и стал подниматься по откосу к тайнику жилы.

В первом выкопанном им ряду были только три ямки; он, наконец, подходил к главному источнику золота, к которому приближался постепенно и настойчиво в течение четырех дней.

– Ну, сударыня, теперь не уйдешь от меня! – бормотал он, уходя все глубже и глубже.

Четыре фута... пять футов... шесть футов... а он копал, хотя работа становилась все тяжелее. Вдруг кирка с визгом прошла по камню. Человек пристально взгляделся в него и принялся разбивать выветрившийся кварц, который множеством мелких камней рассыпался под каждым ударом.

Лопата ушла в рыхлую руду, и перед глазами мелькнуло что-то желтое. Человек уронил лопату и опустился на корточки. Он взял кусок кварца в руки и стал отрывать приставшую к нему землю.

– Вот так штука! – воскликнул он.

То, что он держал в руке, наполовину состояло из кварца, а наполовину из чистого золота. Он бросил комок в таз и пошел дальше. В попадающихся комках почти не видно было золота, но сильные пальцы опытного золотоискателя разбивали рыхлый, слабый кварц до тех пор, пока обе руки его не блестели от покрывшего их золота. Таз постепенно наполнялся. В некоторых кусках кварц настолько истлел, что его было меньше, чем золота; изредка попадались слитки чистого золота. Один комок, которому лом угодил в самое золотое сердце, заискрился, как куча драгоценных камней. Человек залюбовался его игрой и стал поворачиваться во все стороны.

– Черт возьми! Да тут только одно золото! – Он добавил торжественно: – Отныне ты будешь прозываться «Золотым ущельем».

Продолжая сидеть на корточках, он набирал слитки и сбрасывал их в таз. Вдруг ему почудилось, что где-то вблизи упала тень, хотя никакой тени не было. Захватило дыхание, и сердце словно поднялось к самому горлу. Затем он постепенно успокоился, но все еще не подымался, не оглядывался. Он получил от кого-то предостережение и старался понять ту таинственную силу, то неведомое, что стало угрожать ему. Имеются токи, которые человек, как слишком несовершенное существо, не в состоянии определить, он может только слегка ощутить их. Такое состояние переживаешь, когда видишь, что на солнце набегает легкое облако. Золотоискатель почувствовал, что между ним и жизнью только что пробежало что-то сумрачное и грозное. Пронеслась тень, тень смерти, его смерти.

Он инстинктивно порывался вскочить и лицом к лицу встретиться с неведомой опасностью, но самообладанием покорил темный страх и по-прежнему сидел на корточках и перебирал слитки золота. Все же он не решался оглянуться, хотя уже знал уверенно, что за ним или над ним кто-то стоит.

Тогда он с притворным интересом стал рассматривать кусок руды в своих руках, переворачивал его, срывал приставшую землю... И в то же время никак не мог отделаться от сознания, что *что-то* постороннее через его плечо смотрит на то же золото.

Он весь насторожился, превратился в слух, пока, наконец, не расслышал дыхание того, кто стоял позади. Глаза его стали искать какое-нибудь оружие, но видели только золото, повсюду золото, которое в это мгновение потеряло всю свою условную ценность. В настоящем случае и верный лом не мог бы оказать помощи, ибо золотоискатель сам себе устроил западню. Он находился на глубине шести-семи футов, и голова его не достигала уровня земли.

Он не потерял самообладания, рассуждал по-прежнему трезво и ясно; он понимал, что положение его безнадежно и все же продолжал скрести землю со слитков золота и бросать

их в таз. Ничего другого ему не оставалось! Он прекрасно сознавал, что рано или поздно ему придется подняться и повернуться лицом к лицу к опасности. Время уходило, и приближался решительный момент... Мокрая, насквозь пропотевшая рубашка с резким ощущением холода пристала к телу... Близка смерть... Он умрет здесь – здесь, над найденным кладом!

Он сидел, все сидел, очищал золото и думал, как ему встать.

Он мог бы молнией повернуться, мгновенно выбраться из ямы и, независимо от рода опасности, броситься на нее. Или, быть может, подняться медленно, неторопливо и, словно невзначай, увидеть врага? Инстинкт и пылкий характер подсказывали ему первое, в то время как чувство самосохранения и свойственная ему осторожность настаивали на втором.

А пока он так сидел и размышлял, сверху раздался оглушительный звук, и по телу человека пробежала огненная струя. Он рванулся кверху, но, не успев приподняться, свалился. Он весь съежился, – съежился, как лист, которого внезапно коснулся огонь. Подогнув под себя ноги, сдавленный крохотным пространством, он упал грудью на таз золота, а лицом зарылся в землю. По всему телу его прошла сильная дрожь, за нею судорога... Легкие механически набрали много воздуха, а затем медленно-медленно стали выпускать его, и в момент, когда весь воздух вышел наружу, тело человека сразу сплюснулось и замерло.

А наверху, несколько наклонившись над ямой, с револьвером в руке стоял человек. Он долго глядел на безжизненное скрюченное тело, затем опустил револьвер на колено и уселся с таким расчетом, чтобы все время видеть яму и человека. Затем он вытащил из кармана простую толстую бумагу и насыпал на нее немного табака. Не отрывая ни на мгновение глаз от ямы, он свернул себе толстую, большую папиросу, закурил ее и с наслаждением затянулся.

Курил он не спеша. Раз папироса потухла, но он снова зажег ее. Наконец он отбросил в сторону окурок, приподнялся и подошел к яме. Не выпуская револьвера из правой руки, он обеими руками оперся на края ямы и стал на мускулах спускаться вниз. Когда до дна осталось не больше ярда, он прыгнул вниз.

Но не успели еще ноги его коснуться дна, как ловко направленный и страшный удар в колени лишил его равновесия. Поднятую правую руку с револьвером новопришедший вынужден был опустить вниз, и не успел он еще упасть на дно, как раздался выстрел. Вся яма наполнилась густым едким дымом, на несколько мгновений скрывшим все очертания. Незнакомец упал навзничь, а золотоискатель, как кошка, прыгнул на него, удачным ударом отвел его руку вверх, и следующая пуля с глухим шумом ударилась в земляную стену.

Теперь борьба велась главным образом за револьвер. Каждый стремился завладеть оружием и направить его на другого. Дым в яме постепенно рассеялся, и пришедший, все еще оставаясь в прежнем положении, мог осмотреться. Но вдруг его ослепила горсть песка, брошенная ему в глаза. Он вздрогнул, и от этого ослабели руки, державшие револьвер. Через секунду опустился мрак над ним, а затем и мрак исчез...

Но золотоискатель еще долго стрелял, стрелял до тех пор, пока не выпустил последнего заряда. После того он отбросил револьвер и, прерывисто дыша, сел на ноги убитого.

– Мерзавец такой! – захлебываясь, сказал он. – Ишь умница! Дал мне всю работу сделать, а затем стреляет мне в спину. Ловкий молодец!

Он едва не заплакал от усталости и злобы. Он стал вглядываться в лицо убитого, но из-за насыпанной земли трудно было распознать черты.

– Впервые в жизни вижу его, – сказал он наконец. – Очевидно, какой-то самый обыкновенный воришка; порядочный человек в спину не будет стрелять.

Он стал нащупывать спину и грудь с левой стороны.

– Слава богу, навывлет прошла, – заключил он радостно. – Зато уж я показал ему! Будет другой раз стрелять!

Он снова нащупал рану, и лицо его омрачилось.

– Как бы не разболелась, – пробормотал он. – Надо поскорее убраться отсюда.

Он выполз из ямы и направился к своему биваку.

Через полчаса он вернулся к яме с выючной лошастью. Растегнутая рубаха позволяла видеть грубую повязку, наложенную на рану. Он с трудом передвигал левой рукой, что, однако, не мешало ему пользоваться ею. Он просунул под мышки убитого веревку, вытащил его из ямы и после того стал собирать золото. Эта работа отняла несколько часов; он часто отдыхал, угрюмо потирал рану и бормотал:

– Вот мерзавец! В спину стреляет!

По окончании работы, когда все золото самым надежным образом было навьючено на лошадь, он сделал мысленный подсчет.

– Черт возьми! Фунтов четыреста будет, – воскликнул он. – Ну допустим, фунтов двести кварца и земли, остается двести золота. Слышишь, Билль, двести фунтов золота! Это значит, что ты владеешь капиталом в сорок тысяч долларов!

Он восторженно провел рукой по голове и вдруг нащупал рубец, который тянулся на несколько дюймов. Золотоискатель вспомнил, что его задела вторая пуля незнакомца.

– Ах, негодяй! Убить меня хотел! Но вот видишь, я лучше тебя. За зло отплачу добром и похороню тебя как следует...

С этими словами он сбросил вниз мертвое тело и засыпал его землей. Навьюченного золота было слишком много для одной лошади, и поэтому часть поклажи пришлось переложить на верховую лошадь. И все же кирку, лопату, таз, разную другую мелочь надо было оставить на месте, чтоб не обременять лошадей.

Солнце стояло в зените, когда золотоискателю с лошадьми удалось пробраться сквозь чащу. Путь был очень затруднителен; животные нередко подымались на дыбы; как-то раз верховая лошадь упала, и для того, чтоб поднять ее на ноги, пришлось снять тюк.

Кругом стояла тишина, и только звяканье подковных копыт нарушало ее. Изредка доносились ругань золотоискателя, грубый окрик или нетерпеливое понукание. Вдруг золотоискатель затянул песню, и по мере того как он подвигался вперед, звуки песни ослабевали, и снова прежняя тишина вернулась в «Золотое ущелье».

Словно по пятам золотоискателя вернулась тишина, а вслед за ней по тем же пятам пробрался и дух ущелья.

Опять полусонно зажурчал, зашептал ручей, полусонно зажужжали горные пчелы. В ароматном воздухе падали и подымались кверху, плыли белоснежные цветы виргинских тополей... Там и сям с едва слышным шелестом мелькали бабочки. А надо всем этим ласково и безмятежно светило солнце. Кто-то пришел, оставил следы на лужайке, изрыл весь горный склон, убил себе подобного и ушел! Здесь снова сумрачно и мирно... Промчалась бурная жизненная струя, на миг возмутила величественный покой горного ущелья и унеслась дальше...

Планчет

– Это мое право! Я хочу знать, – сказала девушка.

Голос ее прозвучал твердо; в нем не было ни намека на просьбу, и все же чувствовалось, что эта решимость завершала собой длинный период просьб. Но не словами молила она, а всем своим существом...

Губы ее были немые, но глаза, все лицо, даже фигура изображали вопрос. Он знал это и все же не отвечал. И тогда, не в силах сдержать себя, она задала вопрос.

– Это мое право! – повторила девушка.

– Я знаю, – ответил он беспомощно.

Она ждала и все время не отрывала глаз от толстых сучьев и больших пней, которые озарялись теплым, мягким, ласкающим светом. Казалось, сияют сами по себе пни, так много вобрали они в себя света. Девушка смотрела, но не видела; она слышала, но не различала журчание ручейка, который протекал внизу, на дне оврага.

Она снова взглянула на мужчину.

– Итак, – сказала она с твердостью и полная уверенности, что тот сейчас повинется ей.

Она сидела совершенно неподвижно, прислонясь к стволу упавшего дерева. Мужчина лежал почти рядом с ней, одной рукой опираясь на землю, а другой поддерживая голову.

– Милая, милая Лют! – пробормотал он.

Она вздрогнула при звуке его голоса; она не оттолкнула его, но тотчас же почувствовала необходимость бороться против обаяния этого мягкого, притягательного голоса. Словно каждая нотка, каждый звук обещал счастье и покой... Его ласковые слова, как и прикосновение, были мужественны, сильны и почти всегда бессознательны. Он всегда смутно чувствовал потребность в ласке, которая была частью его самого, дыханием его искренней и большой души...

Она потянулась к нему; он хотел взглянуть на ее лицо, но она строго и внушительно посмотрела на него из-под ровных, тонких бровей, и он покорно опустил голову на ее колени. Рука ее ласково коснулась его волос, а лицо приняло заботливое и нежное выражение. Но, когда он взглянул на нее, ее серые глаза были опять неумолимы.

– Что я могу тебе еще сказать? – начал он. – Я не могу на тебе жениться – ни на тебе, ни на какой-либо другой женщине. Ты прекрасно знаешь, как я люблю тебя, – больше всего в жизни. Я неоднократно взвешивал тебя и все остальное прекрасное на свете, и ты перетягивала. Чтобы всегда жить с тобой, я готов на все, но я бессилен, совершенно беспомощен. Я не могу на тебе жениться и никогда не смогу.

Он хотел овладеть собой и сжал губы, но голова его невольно и беспомощно стала склоняться к ее коленям; она остановила его.

– Крис, ты, может быть, женат?

– Нет, нет, – горячо воскликнул он, – я никогда не был женат. Я хочу жениться только на тебе и не могу.

– В таком случае?..

– Нет, нет, – прервал он, – не расспрашивай меня!

– Но я имею право знать это.

– Я знаю. Я знаю все и тем не менее ничего не могу сказать тебе.

– Ты не подумал обо мне, Крис, – мягко продолжала она.

– Нет! Не то.

– Ты не подумал обо мне. Ты не хочешь знать, сколько мне приходится дома терпеть из-за тебя.

– Я не предполагал, что твои так плохо ко мне относятся, – с горечью сказал он.

– Они почти не выносят тебя. Конечно, в твоём присутствии они этого не показывают, но они уже давно ненавидят тебя. Мне приходится все это сносить. Конечно, не всегда так было. Сначала они любили тебя. Чуть ли не так, как я любила тебя. Это было четыре года назад. Время шло – год, два года – и вдруг они восстали против тебя. Их нельзя винить. Ты не говорил ни слова, и им вдруг показалось, что ты разбиваешь мою жизнь. Ведь ты подумай: прошло четыре года, а ты ни разу не заговорил о свадьбе. Что же они могли подумать? Именно то, что и думают: будто ты разбиваешь мою жизнь.

Говоря это, она продолжала ласково перебирать его волосы, сама страдая от боли, которую причиняла любимому человеку.

– Они очень любили тебя вначале. Разве можно тебя не любить? Как дерево притягивает влагу из почвы, так ты притягиваешь любовь всего живого. Словно ты на все имеешь какие-то особые права, и все направляется к тебе со всех сторон. Тетя Мильдрэд и дядя Роберт находили, что другого, подобного тебе, нет. Как солнце в небе, ты единственный на земле. Они считали меня счастливейшей из девушек, ибо мне удалось завоевать любовь такого человека, как ты. Да, они очень любили тебя. Тетя, иногда желая позлить дядю, задорно поглядывала на него и говорила: «Когда я подумаю о Крисе, мне самой хочется помолодеть». А дядя отвечал: «Нисколько не осуждаю тебя, дорогая, нисколько. А если можешь помолодеть, пожалуйста, ничего не имею против». И снова и снова, без конца они поздравляли меня с твоей любовью.

И они прекрасно знали, что я так же люблю тебя. Как я могла помешать этому? Как я могла помешать той огромной чудесной вещи, которая вторглась в мою жизнь и совершенно поглотила ее? Четыре года, Крис, четыре года я жила только тобой одним. Каждый миг принадлежал только тебе. Я просыпалась с мыслью о тебе, я засыпала с мыслью о тебе. Каждое мое действие, каждая мысль, каждый жест были от тебя. Издали, даже не присутствуя, ты направлял все мои мысли. Ты неизменно присутствовал во всем малом и великом в моей жизни.

– Я и не подозревал, что так подавляю, – пробормотал он.

– Ты ничего не подавлял. Ты давал мне полную свободу и, напротив, был моим послушным рабом. Умело, нисколько не оскорбляя, ты делал за и для меня все. Ты предупреждал все мои желания, хотя я даже не намекала на них. Всего больше мне нравилось то, что ты не был суетлив. Видишь ли, со стороны казалось, что ты ровно ничего не делаешь, а оказывалось, что все делалось именно тобой и удивительно к месту.

Да, я была рабой, но это было рабство любви. Именно любовь заставила меня так покориться, отдать тебе все мои помыслы и дни. Ты не вторглся в мои мысли – нет, постепенно и незаметно ты проник в них и всегда, всегда был в них. А в какой степени, тебе никогда не узнать...

Но по мере того как проходило время, тетя и дядя все меньше любили тебя. Они стали беспокоиться: что будет со мной? Ты портил мою жизнь. Моя музыка? Ведь ты знаешь, как я мечтала о музыкальной карьере, и все мои мечты о ней потускнели. Когда я встретила с тобой, мне было двадцать лет, и я хотела ехать в Германию продолжать музыкальное образование. Это было четыре года назад, а я все еще здесь, в Калифорнии.

У меня были другие поклонники, ты прогнал их. Нет, нет, я не то хочу сказать, не ты, а я прогнала их. Что мне было до них, до всего остального на свете, раз ты был здесь! Но, повторяю, дядя и тетя начали беспокоиться. Пошли пересуды, разговоры, сплетни. Ты продолжал молчать, а я удивлялась. Я знала, что ты любишь меня. Но мне так много приходилось выслушивать против тебя от дяди и тети, которые были для меня как родители. Я не могла защищать тебя и просто отказывалась спорить. Я ушла в себя. Что мне оставалось делать, что делать?

Он застонал от боли, снова опустил голову на ее колени и молчал.

– Я стала скрытной, и тетя Мильдрэд уже больше не выслушивала моих исповедей. Книга моего детства закрылась. Какая это была чудная книга, Крис! Я готова плакать, когда вспоминаю об этом. Но все равно. На мою долю выпало много счастья. Я рада, что откровенно могу говорить о любви к тебе; эта откровенность так сладостна. Я люблю тебя, Крис, я люблю тебя и даже не в состоянии выразить, в какой мере... Ты помнишь то Рождество, когда мы встречали сочельник вместе с детьми? Мы играли в жмурки; ты поймал меня за руку и так стиснул ее, что я закричала от боли. Я ничего не сказала тебе, но мне было страшно больно, и ты не можешь себе представить, до чего это было в то же время и сладко. Черным и синим запечатлелись следы твоих пальцев. Твоя память на руке оставалась в течение недели, и как часто я целовала ее, Господи! Я волновалась и сердилась, что она исчезала постепенно. Я хотела снова ушибить руку, лишь бы синяк продлился. Мне была противна возвращающаяся белизна рук. Это смешно, Крис, но я не в состоянии объяснить, как я люблю тебя!

Наступило молчание, во время которого она продолжала проводить по его волосам, безучастно следя за большой серой белкой, резвой и веселой, снующей взад и вперед на отдаленной прогалине хвойного леса. Затем ее внимание привлек красногрудый дятел, энергично постукивавший клювом по упавшему дереву.

А Крис все не поднимал головы; напротив, он еще плотнее прижал свое лицо к ее коленям, между тем как высоко вздымавшаяся грудь выдавала его волнение.

– Ты должен мне все сказать, Крис, – мягко сказала девушка. – Эта таинственность убивает меня. Я должна знать, почему мы не можем пожениться. Неужели так всегда будет продолжаться? Правда, мы встречаемся очень часто, но продолжительные промежутки меня измучили. Неужели, Крис, никогда не наступит то время, когда мы всецело будем принадлежать друг другу? Я не отрицаю, Крис: в наших отношениях есть очень много хорошего, даже прекрасного, но временами так хочется чего-то другого, большего. Я хочу, чтоб ты весь принадлежал мне, чтобы все дни, всю жизнь мы провели вместе. Я хочу, чтобы мы жили теперь так, как будем жить, когда поженимся... – Она прервала себя на полуслове. – Ах да, я забыла: ведь мы никогда не поженимся. Крис, почему? Я должна знать, почему.

Он поднял голову и заглянул в ее глаза. Это была его привычка: смотреть прямо в глаза, с кем бы он ни говорил.

– Я думал о тебе, Лют, – начал он угрюмо. – Напрасно ты сомневаешься. Я думал о тебе с самого начала. Мне необходимо было уехать из-за тебя. Я знал это, понимал и все же... я не уехал. Боже мой, что мне было делать? Я любил тебя... не мог уехать... не был в силах. Я остался и каждый день менял свои решения. Это была ужасная слабость, непоправимая ошибка. Наконец, я собрался с силами и ушел – теперь ты знаешь почему. Теперь ты знаешь. Я ушел, но долго там не оставался и хотя знал, что мы не можем пожениться, все же вернулся к тебе. Теперь я снова с тобой. Прогони меня, Лют, прогони. У меня самого нет сил уйти. Прогони меня, Лют.

– Но зачем тебе уходить? – спросила она. – К тому же прежде чем прогнать тебя, я должна знать, почему я прогоняю.

– Не спрашивай меня.

– Нет, скажи мне, – произнесла она с нежным приказанием в голосе.

– Не надо, Лют, не вынуждай меня, – взмолился он.

– Нет, ты должен мне сказать. Это твой долг по отношению ко мне.

Он колебался.

– Если бы я это сделал... – начал он и решительно закончил: – Я никогда не простил бы себе этого. Нет, я не расскажу, и не вынуждай меня, Лют. Ты пожалела бы точно так же, как и я.

– Если что-нибудь... если имеются препятствия, если какая-то тайна действительно мешает...

Она говорила медленно, с длинными паузами, выбирая наиболее деликатный способ передачи своей мысли.

– Крис, я люблю тебя так глубоко, как только возможно для женщины любить, я в этом убеждена. И если бы ты мне сказал сейчас «Пойдем», я пошла бы за тобой, пошла бы, не оглядываясь, куда бы ты ни повел меня. Я сделалась бы твоим пажом. Ты – мой рыцарь, Крис, и ты не можешь сделать ничего дурного. Твоя воля – моя воля! Раньше я боялась мнения света. С тех же пор, как ты вошел в мою жизнь, я не считаюсь с ним больше. Мне смешно думать о нем. Повторяю, если ты скажешь хоть одно слово, я пойду за тобой.

– Нет, нет, – вскричал он, – я не смею звать тебя, я не смею и докажу тебе это.

Он решительно выпрямился и готов был заговорить. Он взял и сжал ее руку. Словно ища выражения, он готов был открыть свою тайну. Воздух содрогнулся. Девушка приблизилась, чтоб услышать, но он глядел прямо перед собой и медлил. Его рука разжималась; девушка ободряюще стала сжимать ее и все же чувствовала, как решимость оставляет его. Он не будет говорить, она это знала; знала и твердо верила, что не говорит он потому, что не может.

Она безнадежно смотрела перед собой, с тяжелым гнетущим чувством на сердце, точно навсегда умерли для нее надежда и счастье. Она следила за лучами солнца, которые разбивались о красные стволы деревьев, – следила равнодушно, чисто механически. Словно изда-лека и чуждая всему, словно оторвавшись от земли и потеряв связь со всем окружающим, с деревьями и цветами, которые она так любила, она смотрела без интереса, апатично...

Но вдруг она почувствовала беспричинное любопытство. На прогалине стояло буквое дерево в полном цвету, и она смотрела на него, точно впервые видела его. Ее взгляд как прикованный остановился на желтой кисти «Диогеновых фонарей»... Обыкновенно цветы вызывали в ней легкую, мгновенную дрожь удовольствия, теперь же ничего подобного не было. Она разглядывала цветок подобно тому, как курильщик опиума разглядывал бы поток, заградивший путь его больному воображению. В ушах у нее звучал голос ручья, хриплого, старого богатыря, впавшего в детство и бормочущего сонные фантазии. Но, против обыкновения, шум ручья не возбудил ее воображения; она трезво сознавала, что это простой звук воды, протекающей меж камней глубокого оврага, – и больше ничего.

Взгляд ее проник за «Диогеновы фонари» и упал на открытую поляну. На откосе, по колени в диком овсе, паслись две ярко-золотистых на солнце, одинаковых, как на подбор, лошади. Их новая, весенняя шерсть отливала цветными блестками, которые сверкали, как огненные бриллианты.

Девушка почти с ужасом подумала о том, что одна из лошадей принадлежит ей. Долли, подруга ее детства, ее девичьих грез, горестей и восторгов. Глаза ее увлажнились при виде той, на шее которой она выплакала столько слез, и мгновенно она пришла в себя, сбросила настроение отчужденности; стремительная в страсти и печали, она снова вернулась в мир, чтоб сделаться живой частью его.

Мужчина, совершенно ослабев, подался вперед и со стоном уронил голову на ее колени, а она наклонилась к нему и мягко и надолго прижалась губами к его волосам.

– Вставай, Крис, пойдем! – сказала она почти шепотом.

Голос ее прервался полурыданиями, но она тотчас же поднялась и сжала губы.

Его лицо было бледно, почти мрачно, до того он был потрясен борьбой, которую только что вынес. Они не взглянули друг на друга и направились прямо к лошадям. Она прислонилась к шее Долли, в то время как он подтягивал ремни. Потом она собрала в одну руку поводья и стала ждать. Он взглянул на нее с мольбой о прощении, и ее глаза ответили ему.

Опершись ногой на его руку, она легко прыгнула в седло. Безмолвные, не глядя друг на друга, они повернули лошадей и поехали по узкой тропинке, вьющейся вдоль темного бора, откуда выехали на открытую поляну, к залегшим внизу пастбищам.

Тропинка постепенно превращалась в протоптанную скотом дорожку, а дорожка – в проселочную дорогу, которая ниже сливалась с большой дорогой. Они понеслись вниз по отлогим бурым горам Калифорнии до того места, где ряд перекалин отмечал начало большой дороги. Девушка осталась на своей лошади, а мужчина слез и начал вынимать перекадины.

– Постой, постой! – закричала она, прежде чем он дотронулся до двух нижних перекалин.

Она сделала несколько шагов назад, затем прошла вперед, и животное небольшим безукоризненным прыжком пронеслось над перекадинами. Глаза мужчины засверкали, и он стиснул кулаки.

– Красавица моя, красавица! – воскликнула девушка, подавшись вперед и прижавшись щекой к шее кобылы в том месте, где шерсть отливала ярким пламенем на солнце.

– Если хочешь, поменяемся лошадьми, – предложила она, когда перекадины снова оказались на месте. – Ты до сих пор не знаешь, что за прелесть моя Долли.

– Нет, нет, – запротестовал он.

– Ты, очевидно, думаешь, что она слишком стара и для тебя не подходит. Ей действительно шестнадцать лет, но все же из десяти лошадей девять она всегда перегонит. И при всем том она очень спокойна и никогда не сбрасывает. – Она вдруг торжественно произнесла: – Послушайте, сэр, вызываю вас на поединок и утверждаю, что моя Долли побьет вашего Бана. Затем предлагаю вам самому прокатиться на моей Долли, достоинств которой вы не знаете и не цените.

Обрадовавшись новому развлечению, они живо принялись обмениваться седлами.

– Как я рада, – заметила Лют, – что родилась в Калифорнии и могу ездить верхом, как мужчина. Готов?

– Готов!

– К старой мельнице, – крикнула она, когда лошади ринулись вперед.

– Есть! – ответил он.

По гладкой, ровной дороге вздымались клубы пыли. Всадники совершенно пригнулись к лошадям, на полном ходу делали повороты, не замедляя хода, проносились через легкие деревянные настилы и с дробным, звучным грохотом мчались по железным мостам.

Они шли бок о бок, приберегая животных к финишу. За группой белых дубков дорога на протяжении нескольких сот ярдов совершенно выпрямилась и открывала в самом конце старую, полуразрушенную мельницу.

– Начинаем! – вскрикнула девушка и всем корпусом подалась вперед, прильнула к шее лошади, отпустила поводья и через несколько минут оказалась впереди Криса.

– Хлопни ее по шее! – крикнула она ему.

Крис исполнил это, и тотчас же Долли вынесла его впереди Бана.

До мельницы оставалось около ста ярдов.

Девушка пришпорила лошадь, но не переставала следить за своей Долли, которая медленно опережала ее.

– Побита на три корпуса! – победоносно воскликнула Лют, когда они миновали мельницу и поехали шагом.

– Теперь, сэр, вы видите, на что способна моя старая кобыла.

– В сравнении с ней Бан – настоящий медведь, – согласился Крис.

– Понимаешь, Крис, – возбужденно сказала Лют, – моя Долли хороша тем, что в ней есть горячность и нет глупости. Несмотря на свой возраст, она очень умна.

– В том-то и дело, – возразил Крис, – вместе с молодостью прошла и глупость. Я уверен, что в молодости она не мало раз сбрасывала тебя.

– Ничего подобного! – ответила Лют. – Я положительно не припомню случая, когда бы она дурила. За всю свою жизнь она не становилась на дыбы, не лягалась, не сбрасывала, никогда, ни разу.

Тяжело дыша после скорого бега, лошади продолжали идти шагом. Дорога вилась по низко лежащей долине, кое-где пересекаемой горными ручьями. Со всех сторон доносилось монотонное, усыпляющее бормотание косилок и зычные крики рабочих, собиравших сено. На западе подымались зеленые горы, а восточные, обращенные к солнцу, уже были выжжены и приняли желтовато-бурый оттенок.

– Как хорошо здесь! – сказала Лют. – Чудная Сономская долина! Вот лето, а вот и весна.

Глаза и лицо ее сияли любовью к родине. Она перевела взгляд на фруктовые сады и виноградники. Легкой, нежной дымкой залег повсюду пурпур, залег в полях и садах, в ущельях гор и долинах. А дальше, выше, среди горных вдоль и поперек изрезанных ручьями хребтов, где крупные откосы были усыпаны кустами манзаниты, Лют увидела свободный участок, на котором дикая трава еще не потеряла своего девственно-зеленого цвета.

– Ты знаешь это место? – спросила она, указывая на далекую долину.

Крик ужаса заставил ее обернуться. С дико раскрытыми глазами, раздутыми ноздрями, Долли взвилась на дыбы. Крис припал к ее шее, чтобы помешать ей упасть на спину, и одновременно пришпорил ее, чтобы заставить опустить передние ноги, которыми она была по воздуху.

– Долли, Долли! – начала с упреком Лют, но, к ее удивлению, лошадь опустила голову, выгнула спину, прыгнула в воздух и опустилась на землю с выпрямленными ногами.

– Гениальный прыжок! – воскликнул Крис, в то время как кобыла собиралась сделать второй прыжок.

Лют удивлялась поведению своей лошади и любовалась умением Криса править; он оставался совершенно хладнокровен и, казалось, получал удовольствие от диких прыжков Долли. Лют отвела Бана в безопасное место и, оглянувшись, случайно поймала взгляд Долли. Глаза лошади, почти выскочив из орбит, выражали слепое, животное безумие; розоватый оттенок белка исчез и сменился белизной, похожей на матовый мрамор. Долли выпрямилась так, что спина, шея и морда представляли почти прямую линию; такое положение позволило ей закусить удила, и она с невероятной быстротой понеслась по прямой дороге.

Впервые Лют действительно испугалась. Она пришпорила в погоню Бана, но тот не был в состоянии поспевать за взбесившейся кобылой и стал понемногу отставать. Лют видела, как с перекинутой через седло ногой, прилегши на бок и ухватившись рукой за гриву, Крис боролся с лошадьёю.

Долли мелькнула в чаще и с безумной быстротой помчалась по узкому берегу, к группе дубов, о стволы которых она хотела сбить всадника.

Лют поехала по диагонали, миновала кустарник и оказалась впереди Долли. Из кустарника до нее доносился ужасный треск сучьев и бурелома. Наконец кобыла проломилась в открытое место и, изможденная, вся в мыле, упала на мягкую траву.

Крис все еще сидел на ее спине. Рубашка его изорвалась в клочья. Руки были изодраны и изранены, а по лицу из раны у виска струилась кровь.

– Как хорошо! – крикнул он, вложив в голос всю сердечность, на которую был способен, но в данное время ее было немного, потому что он перенес слишком сильное нервное потрясение.

– Неподалеку ключ, – сказала Лют, обвив шею Криса, и, оставив лошадей невзнузданными, они прошли в прохладные заросли, к месту, где с едва слышным звоном у подножия горы протекала кристально чистая вода.

– А ведь ты говорила, что Долли никогда не сбрасывает, – сказал Крис, несколько успокоившись.

– Я отказываюсь понять что-либо. Впервые в жизни я видела, как она поднимается на дыбы.

– Может быть, какой-нибудь открывшийся застарелый ушиб, – сказал Крис и пожал плечами.

Они вернулись к лошадям и подвергли Долли самому внимательному осмотру, который, однако, ничего не дал. Все было в порядке и никаких следов укола, укуса или ранения не оказалось.

– Не иначе как какое-то бесовское наваждение, – сказала Лют. И они засмеялись при этой мысли, ибо оба были типичными продуктами XX века, здоровые, нормальные духом, любящие прекрасное и возвышенное, но вовремя останавливающиеся у той границы, где кончается реальное и начинается суеверие.

Лют стала укорачивать стремяна.

– Зачем это? – спросил Крис.

– Я поеду на Долли.

– Нет, этого не будет, – заявил Крис. – Так лошадей не воспитывают. После всего того, что случилось, я обязан поехать на ней.

Они медленно, часто останавливаясь, поехали к дому.

* * *

– Кто едет за почтой? – слышался из-за деревьев женский голос.

Лют захлопнула книгу и вздохнула.

– Мы не предполагали сегодня ехать верхом, – сказала она.

– Позволь, я поеду, – предложил Крис. – Ты оставайся здесь, а я поеду и вмиг вернусь. Она покачала головой.

– Кто едет за почтой? – настаивал голос.

– А где Мартин? – закричала Лют.

– Не знаю, – ответил тот же голос. – Его, вероятно, куда-нибудь увел с собой Роберт. Право, Лют, кроме тебя и Криса, никого нет. Довольно валяться в гамаке.

– Хорошо, тетя! Мы едем! – закричала Лют, вылезая из гамака.

Через несколько минут, в костюмах для верховой езды, они седлали лошадей. Они поехали по графской дороге, а затем свернули на шоссе к Глен Эллену. Маленький городок полностью заснул под палящими лучами солнца, а местный почтмейстер с большим трудом удерживался, чтобы не заснуть, когда перевязывал пачку писем и газет.

Спустя час всадники свернули с большой дороги и поехали по коровьей тропинке вниз к крутому берегу, желая до возвращения на дачу напоить лошадей.

– Долли как будто совершенно забыла про вчерашнее, – сказал Крис, указывая на вошедшую по колени в воду Долли.

Из чащи слышался перепелиный треск, и кобыла подняла голову, наострила уши... Крис наклонился и почесал у нее за ушами, что, очевидно, доставило ей большое удовольствие, – она опустила голову и прислонилась к плечу Бана.

– Настоящий котенок, – заметила Лют.

– А между тем после ее вчерашней дикой выходки я никогда не смогу довериться ей, – сказал Крис.

– А я так по-прежнему доверяю ей, – сказала Лют и добавила: – Конечно, на Бане ты в большей безопасности. Это твоя лошадь; она тебя никогда не обманет.

Они повернули лошадей и отъехали от ручья. Долли остановилась, чтобы мордой смахнуть с колена муху, а Бан протеснился по узкой тропинке. Пространство было слишком узко для того, чтобы он мог вернуться, и Крис пустил его вперед.

Это случилось так быстро, что Лют едва успела заметить. Сверху и снизу был почти отвесный берег. На тропинке едва-едва можно было поместиться пешеходу. Между тем Бан взвился на дыбы, поднялся в воздух и в следующую минуту уже лежал спиной на тропинке.

Крису оставалось одно: выскочить из седла, что он и сделал, бросившись в сторону и вниз. До подножия скалы было около двенадцати футов. Крис удержался в перпендикулярном положении, но, подняв голову, увидел падающую на него лошадь и, как кошка, отскочил в сторону. Через мгновение Бан пронесся мимо него с тем ужасным криком, который иногда издают смертельно раненные лошади.

Крис ободряюще взглянул на стоящую наверху Лют.

– Я начинаю привыкать к этому, – с улыбкой ответила она ему.

– Я так и думал, – сказал он спустя несколько минут, когда стоял подле скатившейся лошади. – Последний раз я сидел сегодня верхом на Бане. Едем, Лют, домой.

На верхушке обрыва он повернулся и заглянул вниз.

– Прощай, Бан! – крикнул он с намернувшимися слезами. – Прощай, товарищ! – Он обратился к Лют: – Моей вины тут нет!

– Да, – сказала Лют. – Все это вышло так неожиданно, точно чья-то рука схватила его за поводья.

– Клянусь, что это была не моя рука. Между прочим, он шел на слабом поводу. Значит, чья-то посторонняя рука...

Мартин принял из рук Лют Долли, почти не выразив удивления при виде пешего Криса, который несколько отстал от девушки.

– Ты сумеешь застрелить лошадь? – спросил Крис.

Тот кивнул головой, затем добавил:

– Да, сэр! – и снова кивнул головой.

– Прекрасно, – сказал Крис. – Сходи к реке, там лежит Бан с переломленной спиной.

* * *

– Ах, вот и вы, сэр! А я повсюду ищу вас.

Крис отбросил сигару, потом подошел и наступил на нее ногой.

– Ты никому не говорила про Бана? – спросил он.

Лют отрицательно покачала головой.

– Они сами узнают. Мартин не замедлит рассказать. Но не расстраивайся так из-за этого, – сказала она после минутной паузы, взяв его за руку.

– Я знал его с рождения. Как это все странно! Какой-то непонятный импульс, как удар молнии, подействовал на него. Все это произошло в течение одной секунды, не больше. Похоже на самоубийство или покушение на убийство.

– Ведь бывает, Крис, что лошади сходят с ума, – сказала Лют. – Это чисто случайно, что ты два дня подряд испортил под собой лошадей.

– Возможно, – сказал он и поднялся вместе с Лют. – Но зачем я вдруг так понадобился?

– «Планчет»!

– Ах, «Планчет»! Как-то до сих пор мне не приходилось с нею иметь дело.

– Да и нам не приходилось, – ответила Лют. – Разве только одна миссис Грантли...

– Ах, и миссис Грантли будет? Очаровательное существо!

Они остановились между двух огромных деревьев, которые стояли у входа в столовую. Наверху, сквозь кружевную ткань ветвей, сияли звезды. Внизу свечи озаряли окруженную деревьями площадку. За столом три-четыре человека следили за начертанием «Планчет».

Крис взглянул на тетю Мильдрэд и дядю Роберта, уже разрыхленных жизнью и все же довольных ею, несмотря на целый ряд полученных от нее пощечин. Затем он перевел взгляд

на черноглазую хрупкую мистрис Грантли и остановился на четвертой личности, величественном господине с массивной головой, седые виски которого оттеняли юношескую свежесть лица.

– Кто это? – шепнул Крис.

– Некий Бартон. Поезд опоздал, и вот почему ты не видел его за обедом. Очень крупный капиталист, хоть с виду не выдумает пороку.

Она прижалась к нему, и они пошли дальше.

– Роберт, где дети? – слышался голос тети Мильдрэд. – Надо начинать, становится холодно.

– Мы здесь! – закричала Лют, отходя от Криса.

Тетя Мильдрэд плотнее закуталась в шаль и торопила начать. На столе лежал белый чистый лист бумаги, поверх которой на трех ножках ходила маленькая треугольная дощечка; две ножки несли подвижные медные колесики, а третья, помещенная в вершине треугольника, – карандаш.

– Кто начинает? – спросил дядя Роберт.

С минуту длилось молчание, затем тетя Мильдрэд решительно положила руку на дощечку и сказала:

– Ведь кому-нибудь из нас придется для удовольствия других сыграть роль дурака. Я начинаю!

– Молодец женщина! – воскликнул муж. – М-с Грантли, начинайте!

– Я? – спросила дама. – При чем же я тут? Сила, или как вы ее там назовете, точно так же вне меня, как и вне вас. Какого это рода сила, я не могу сказать, но знаю, что эта сила имеется. Я убеждена, а теперь ваша очередь убедиться. М-с Стори, коснитесь дощечки легко, но твердо, и ничего не делайте по своей личной воле.

Присутствующие молча окружили тетю Мильдрэд, которая положила руку на «Планшет»; но в продолжение нескольких минут ничего не случилось, и «Планшет» оставалась неподвижной и безмолвной.

– Потерпите! – посоветовала м-с Грантли. – никоим образом не противодействуйте влечению, которое, может быть, возникает в вас; но, повторяю, сами ничего не делайте. Вы почувствуете импульс, бороться с которым вы не будете в состоянии. Влияние возникает помимо вашей воли.

– Однако влиянию не мешало бы поторопиться, – заметила тетя Мильдрэд после нескольких минут неудачных попыток.

– Еще немного... еще минуту... – начала м-с Грантли, и вдруг рука тети Мильдрэд задержалась и задвигалась и слышалось царапание карандаша по бумаге. В конце следующих пяти минут тетя Мильдрэд сделала усилие и отняла свою руку.

– Какие-то каракули, – сказал дядя Роберт, глядя на исписанную бумагу.

– Да, – сказала м-с Грантли, – совершенно невозможно прочитать... Очевидно, влияние еще не начало работать. Не попробует ли кто-нибудь другой? Например, вы, мистер Стори?

Дядя Роберт, улыбаясь, подошел к столу и опустил руку на дощечку, и тотчас же его лицо приняло серьезное выражение. Его рука начала двигаться, и слышался скрип карандаша по бумаге.

– Черт возьми! – пробормотал он. – Это становится любопытно. Посмотрите-ка сюда. Уверяю вас, что точно кто-то водит моей рукой.

– Ну, Роберт, без глупостей, – пригрозила ему жена.

– Да ведь я говорю тебе, что не я это делаю, – ответил он с негодованием. – Влияние, как говорит м-с Грантли! Черт возьми, да взгляните на этот росчерк; я никогда не делаю росчерков.

– Будьте серьезны, – сказала м-с Грантли. – «Планчет» не любит легкомысленного отношения.

– Ну, я думаю, теперь довольно, – произнес Роберт, снимая руку. – Посмотрим! Лют, у тебя молодые глаза.

– Ой, какие росчерки! – воскликнула Лют, взглянув на бумагу. – Посмотрите, два разных почерка.

Она прочитала:

Вдумайся в следующую фразу:

«Безусловно, я – дух положительный, а не отрицательный. Всего выше на свете любовь, за которой следуют мир и душевная гармония. Твоя душа».

– А теперь другим почерком, – сказала Лют и продолжала читать:

«Бульфорк 96, Дикси 16, Золотой якорь 65, Золотая гора 13, Джим Бутлер 70, Джембо 76, Полярная звезда 42, Браун-Хот 16, Железная Крыша 3».

– «Железная крыша» – 3. Однако довольно низко, – пробормотал мистер Бартон.

– Роберт, ты опять сплутовал? – воскликнула тетя Мильдрэд.

– Нет, не сплутовал, – ответил он. – Моя воля бездействовала.

– Подсознательный дух, – предположил Крис. – Вы просмотрели сегодня в газетах биржевые цены?

– Не сегодня, а на прошлой неделе.

– День или год, для подсознательного духа не имеет никакого значения, – сказала м-с Грантли. – Подсознательный дух никогда ничего не забывает.

– Да что за теософическая чепуха такая! – воскликнул дядя Роберт.

Крис пожал плечами.

– Безусловно, необходимо известное серьезное отношение, – сказал он, опустив руку на «Планчет». – Попытаюсь и я. Попрошу вас, господа, не смеяться и даже не улыбаться. Ведь неизвестно, какая оккультная кара может постигнуть вас.

– Ну, хорошо, я буду умником, – воскликнул дядя Роберт. – Но все-таки я предпочел бы улизнуть отсюда.

Едва только Крис опустил на «Планчет» руку, как дощечка задвигалась, быстро и равномерно.

– Посмотри на него, – шепнула Лют своей тетке. – Как он бледен!

Некоторое время слышалось ровное царапанье карандаша, но вдруг что-то словно ужалило Криса, и он отдернул руку. Он вздохнул, затем зевнул, отошел от стола и огляделся вокруг с любопытством только что проснувшегося человека.

– Я, кажется, написал что-то, – сказал он.

– Я думаю, – сказала довольным тоном м-с Грантли, поднимая лист бумаги и вглядываясь в него.

– Прочтите вслух, – сказал дядя Роберт.

– Слушайте, написано следующее:

«ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ!»

Крис Дунбар, я намереваюсь убить тебя. Я сделал уже два покушения на твою жизнь, но неудачно. Третье мне удастся. Я настолько уверен в этом, что не боюсь тебе сказать это. Я не должен объяснять причины. Ты сам знаешь. Зло, которое ты делаешь...»

– Вот и конец, тут обрывается, – сказала м-с Грантли, положила бумагу на стол и взглянула на Криса, который сделался центром внимания, но тем не менее зевал от овладевшей им сонливости.

«Я уже сделал два покушения на твою жизнь»... – повторила м-с Грантли.

– На мою жизнь? – спросил Крис. – Да на мою жизнь никто не покушался. Господи, как мне хочется спать!

– Послушай, Крис, – сказал дядя Роберт, – ты забываешь, что мы имеем дело с бескровным и бесплотным духом. Надо думать, – шутливо добавил он, – что на твою жизнь покушались невидимые и неведомые существа. Может быть, рука какого-нибудь духа пыталась ночью задушить тебя.

– Крис! – воскликнула невольно Лют. – Сегодня днем как будто чья-то рука схватила за повод Бана. Помнишь?

– Я пошутил, – возразил он.

– Но все-таки, – начала Лют и замолчала.

М-с Грантли насторожилась.

– А что такое случилось сегодня днем?

Сонливость Криса исчезла.

– А знаете, меня самого начинает это интересовать, – сказал он. – Сегодня днем Бан сломал себе спину. Он бросился с обрыва и едва-едва не увлек меня.

– А если я не ошибаюсь, – сказала м-с Грантли, – вы вчера сильно ушиблись, катаясь на лошади м-с Стори? Вот вам и два покушения. – И с этими словами она торжествующе оглядела присутствующих.

– Пустяки! – сказал дядя Роберт с улыбкой на лице, но с легким раздражением в голосе. – Таких вещей теперь не бывает. Послушайте, милая барыня, мы живем в XX веке, и средневековые суеверия к нам не пристали.

В это время м-с Грантли опустил руку на «Планчет».

– Кто ты? – спросила она. – Твое имя?

Все головы наклонились над столом, следя за тотчас же задвигавшимся карандашом.

– Дик! – вскричала тетя Мильдрэд с легкой истерической ноткой в голосе.

Муж ее выпрямился, и впервые лицо его приняло серьезное выражение.

– Это подпись Дика, – сказал он. – Я узнал бы ее среди тысячи других.

– Клянусь Иовом, это удивительно! – воскликнул мистер Бартон. – В обоих случаях почерк совершенно одинаков. Ловко, очень ловко! – добавил он.

– Дик Кертиз, – прочла вслух м-с Грантли. – Кто это Дик Кертиз?

– Отец Лют, – сказала тетя Мильдрэд. – Это мой брат. Он умер, когда Лют было несколько недель, и она получила нашу фамилию.

Оживленный разговор продолжался, а Лют в это время видела картины детства – картины, созданные ею самой, и в которых участвовал ее отец, никогда в жизни не виденный ею. У нее сохранилась его сабля, несколько старинных фотографий, много воспоминаний, слышанных ею из чужих уст, и все это послужило ей материалом для предполагаемого портрета отца.

Ее размышления были прерваны восклицанием м-с Грантли.

– Позвольте мне сделать маленькое испытание. Пусть мисс Стори поговорит с «Планчет».

– Нет, нет, умоляю вас, – вступилась тетя Мильдрэд. – Это слишком опасно. Я не люблю, когда шутят с покойниками. Я боюсь. Отпустите меня спать, а сами оставайтесь хоть до утра. – И она удалилась.

Едва только Лют опустила руку на дощечку, ею тотчас же овладело неопределенное чувство ужаса от игры со сверхъестественным... Дядя был совершенно прав: в XX веке они занимаются тем, что носит характер средневековья. И все же она не могла отделаться от инстинктивного чувства страха, который передался ей от диких обезьяноподобных предков, боявшихся темноты...

Затем она вдруг почувствовала слабое любопытство. Другое видение завладело ее представлением – на этот раз она видела мать, которую также не знала живой. Этот образ, –

более смутный и туманный, чем образ отца, – был окружен ореолом нежности, доброты и кротости и вместе с тем выражал характер решительный и твердый.

– Другой почерк, – сказала м-с Грантли, когда рука Лют перестала двигаться. – Женский почерк, и подписано «Марта». Кто это Марта?

Лют несколько не удивилась и просто сказала:

– Это моя мать. А что она говорит?

Она чувствовала легкую истому, и все время пред ее глазами стоял образ матери.

«Милое дитя мое! – читала м-с Грантли. – Не придавай значения его словам, в которых он был опрометчив. Не скупись в своей любви. Любовь никогда не повредит тебе. Отрицать любовь – грех. Повинуйся внушениям сердца твоего и никогда не совершишь дурного. Но повинуйся гордости твоей, повинуйся мнению света и тех, которые восстанавливают тебя против побуждений твоего сердца, и ты согрешишь. Не обращай внимания на слова твоего отца. Он поймет мудрость моего совета. Люби, дитя мое, и люби крепко. Марта».

– Дайте мне взглянуть, – сказала Лют, схватив бумагу и пожирая глазами написанное; она дрожала от переполнившей ее неизъяснимой любви к матери.

Послышались приближающиеся шаги дяди Роберта, проводившего тетю Мильдрэд, и Лют сказала:

– Ничего не говорите ему про второе послание, и тете Мильдрэд не говорите. Это только напрасно взволнует их. И вообще довольно будет на сегодня «Планчет». Забудем обо всех этих глупостях.

– Глупости, милая? – возмущенно сказала м-с Грантли, но в это время вошел дядя Роберт.

* * *

– Где ты пропадал все утро?

– Там, куда я намерен тебя взять после обеда.

– Не мешало бы справиться и с моим желанием.

– Я справился с ним и знаю, что оно совпадает с моим. Хочу тебе показать лошадь, которую я нашел.

– О, какой ты милый! – воскликнула она с восторгом, но тотчас же ее лицо приняло озабоченное выражение.

– Настоящий калифорнийский пони, – продолжал Крис. – Но что с тобой?

– Не будем больше ездить верхом, – сказала Лют. – Или хоть на некоторое время отложим. Право, мне это уже несколько надоело.

Он с удивлением посмотрел на нее, но она твердо выдержала его взгляд.

– Я знаю, Крис, что это очень глупо, но я ничего не могу поделать с собой. Конечно, это суеверие. Но что, если действительно что-то есть? Кто знает? Может быть, наука очень догматична, отрицая невидимое, которое слишком тонко, слишком возвышенно для того, чтоб поддаться научным исследованиям и точной формулировке. Во мне зародилось сомнение, а я слишком люблю тебя, чтоб рисковать тобой. Не забудь, что я женщина.

– Но можно ли серьезно относиться к такой чепухе, как «Планчет»? – сказал Крис.

– Но чем же объяснить тогда подлинный почерк моего отца, который признал дядя Роберт? Как объяснить все остальное? Ведь это очень странно, Крис.

– Не знаю, Лют. Я не могу точно ответить тебе, но уверен, что в самом недалеком будущем наука объяснит эти явления.

– Так или иначе, – созналась Лют, – но я горю нетерпением еще что-нибудь узнать от «Планчет». Доска все еще в столовой, там никого нет, и мы можем попытаться.

– Это забавно! – Крис взял ее за руку.

Через несколько минут они уже были в столовой. «Планчет» долгое время упорствовал; Крис хотел было заговорить, но Лют, у которой начались подергивания в руке и предплечье, остановила его. Затем карандаш начал писать:

«Есть знание, превыше знания человеческого разума. Не сознание рождает любовь, а сердце, которое выше разума, логики и философии. Верь своему сердцу, дочь моя, и если разум тебе повелевает верить возлюбленному, смейся над разумом и его холодными теориями. Марта».

– Одного я не могу объяснить, – сказала после паузы Лют. – Посмотри на почерк. Мелкий, старинный, типичный почерк предшествующего поколения.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что действительно веришь в это послание от мертвых? – прервал Крис.

– Не знаю, Крис, я, право, ничего не знаю.

– Абсурд! – воскликнул Крис. – Твое воображение опутала паутина. Кто умер, тот умер; он – прах, он – достояние червей. Мертвые? Я смеюсь над мертвыми, ибо их нет, ибо я отрицаю их власть, как и власть привидений, оборотней и т. д.

Почти незаметно он опустил руку на «Планчет», которая тотчас же задвигалась. Оба от неожиданности вздрогнули. Послание было коротко:

«ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ!»

Крис бравадой хотел покрыть изумление, но Лют не скрывала своего ужаса и опустила свою дрожащую руку на его руку.

– Довольно, Крис, довольно! Я жалею, что мы начали. Оставим мертвых в покое. Это нехорошо; это, должно быть, очень нехорошо. Я вся дрожу, и мне кажется, что душа моя дрожит так же, как и тело. Сознаюсь, что я поражена. *В этом есть смысл.* Я чувствую живую связь с той тайной, которая мешает тебе жениться на мне. Если бы отец жил, он защитил бы меня от тебя. Мертвый, он пытается сделать то же. Его руки, его призрачные, невидимые руки подняты над тобой.

– Ну успокойся! – сказал Крис. – Все это ерунда! Мы просто играли со сверхъестественными силами, – с явлениями, которые науке еще не известны. Вот и все! Психология слишком молодая наука, а подсознательный дух, можно сказать, только что открыт. И пока его законы ждут формулировки, все явления, исходящие от него, кажутся нам таинственными и сверхъестественными. Что же касается «Планчет»...

Он внезапно замолчал, ибо, желая подчеркнуть свое замечание, он положил руку на дощечку, и в тот же миг какая-то сила завладела его рукой и вместе с карандашом направила по бумаге.

– Нет, с меня довольно! – воскликнула Лют, указывая на послание, которое гласило:

«Ты не можешь избежать ни меня, ни кары, которой подлежишь»

Лют смяла исписанный лист бумаги и убрала «Планчет».

– В самом деле, оставим это, – сказал Крис. – Я не думал, что это тебя так расстроит. Все объясняется тем, что наше возбужденное состояние сделало условия крайне благоприятными для этих мистических проявлений.

– Что нам делать, не знаю, – сказала Лют, когда они медленно шли по дороге. – Необходимо что-нибудь придумать. Ты надумал что-нибудь?

– Надумал сказать тете и дяде.

– То, чего не сказал мне?

– Нет! То, что я сказал тебе. Я не имею права сказать им больше, чем тебе.

Она отозвалась после минутного раздумья:

– Не говори им ничего. Они не поймут тебя. Я не понимаю, но верю в тебя, на что они не способны. Их беспокойство только усилится.

– Остается одно, – сказал он едва слышно. – Мне следует уйти, и я это сделаю. Теперь я не слаб.

– Не упрекай себя в слабости, – воскликнула она и быстро перевела дух. – Во всем только я виновата. Это я помешала тебе уйти раньше. Я передумала, Крис: оставим все как есть. Мы уверены в своей любви, и пусть все остальное будет как будет.

– Но лучше было бы, если бы я ушел.

– Но я не хочу, чтобы ты ушел, Крис! Ты знаешь это. А теперь довольно об этом. Слова не помогут, зачем же говорить?.. Может быть, будет такой день, когда ты придешь и скажешь мне: «Лют, все устроилось, все хорошо. Лют, меня не связывает больше тайна, и я свободен. Будет этот день или не будет, но зачем нам лишать себя того малого, что еще в нашей власти? Я забыла про все эти глупости и, чтобы доказать это, согласна пойти с тобой после обеда смотреть новую лошадь, хотя предпочла бы, чтобы ты несколько дней не ездил. Как ее зовут?

– Команч, – ответил он. – Я уверен, что она тебе понравится.

* * *

Крис лежал на спине, прислонившись головой к обнаженной, далеко уходящей вперед каменной глыбе. Его внимательный взгляд был направлен через овраг к противоположному склону, на котором в изобилии росли деревья. Слышались звон стальных подков о камень и изредка мягкий шум сорвавшегося камня, который долго скатывался с горы и, наконец, с сильным всплеском падал в поток, с диким ревом пробирающийся меж скал. Доносился треск раздвигаемого кустарника, и иногда в рамке листвы мелькала золотисто-коричневая амазонка Лют.

Она выехала на открытое место, где рыхлая песчаная почва отказывалась приютить деревья и травы, остановила лошадь у края спуска и взглядом смирila расстояние. На сорок футов ниже склона лежала небольшая терраса с прочной насыпью из скатившейся земли и щебня.

– Это хорошая проба! – крикнула она через овраг.

Животное, осторожно, твердо и спокойно передвигая передними ногами, задними нащупывало почву и попеременно то теряло, то снова находило точку опоры. Лошадь вышла на террасу резвым, свободным шагом, который придавал много прелести ее спокойной грации, непринужденности и всем движениям.

– Bravo! – воскликнул Крис и зааплодировал.

– Такой умной лошади я еще не видела, – ответила Лют, которая снова поднялась наверх и направила лошадь к деревьям.

Через некоторое время она снова появилась внизу и остановилась у потока, возле утеса, за которым свирепо бурлил водоворот. Налево, на несколько футов ниже, была небольшая куча щебня, доступ к которой преграждал громадный камень. Единственным способом достичь щебня был прыжок через выступ утеса. Движение левой руки Лют выдало Крису ее намерение.

– Лют! – закричал он. – Держи свободнее поводья.

– Я верю в Команча, – последовал ответ.

– Ни одна лошадь из тысячи не сделает этого.

– А Команч именно такая лошадь, – возразила она.

Она прищипорила Команча, и тот чисто, тесно сблизив передние ноги, поднялся на задние, с полуповоротом налево прыгнул и попал прямо на крошечную кучу щебня. Легкий прыжок перенес его через ручей; здесь Лют подстегнула его, направила вверх по откосу и через минуту остановилась перед Крисом.

– Ну, – сказала она и тотчас же добавила: – Купи его во что бы то ни стало, он стоит того! Никогда в жизни я еще не была так уверена в лошади.

– Его хозяин говорит, что до сих пор еще не было случая, чтоб он оступился.

– Если ты не купишь, я куплю его! Он гибок, как кошка, и, по-моему, им можно управлять шелковыми нитками. Крис, ты не должен отказать мне.

Крис улыбнулся в знак согласия и стал менять седла. Через несколько минут они уже спускались по склону к проселочной дороге.

– Мы не прямо домой!

– Ты забываешь про обед, – предупредил Крис.

– Но я помню про Команча, – возразила она. – Мы поедем и купим его, а обед подождет!

Они повернули лошадей и медленно поехали по Нап-Капионской дороге вниз к Нап-ской долине. Иногда они подымались на сотни футов выше потока, снова спускались и пересекали его. Они долго ехали в глубокой тени гладкоствольных кленов и величественных сосен, после чего поднялись на открытые хребты гор, где была сухая и потрескавшаяся на солнце почва.

На четверть мили вперед перед ними расстилалась прямая, ровная дорога, окруженная с одной стороны угрюмыми, неприступными откосами, а с другой – крутой стеной оврага, кривыми уступами сбегającego к потоку. Они увидели пропасть, залитую солнцем и почти сплошь изрезанную узкими и глубокими расщелинами, вобравшими в себя весь мрак ночи. По неподвижному воздуху безудержно разливались звуки быстро несущейся воды и неумолчный говор горных пчел.

Лошади шли легкой рысью. Крис ехал почти у самого края оврага, заглядывал вниз и не переставал восторгаться.

– Посмотри, – вдруг закричал он.

Лют подалась вперед и увидела, как с гладкого утеса прозрачной лентой, легким, неомраченным дыханием срывался поток воды. Он падал в течение многих веков и все же казался неподвижным...

Нематериальный и легкий, как газ, и неизменный в составе и по форме, как близлежащие горы, ручей с безупречной красотой свергался вниз, к стене деревьев, за зеленой ширмой которых он неведомо куда исчезал, – быть может, превращался в потайной водоворот, грохот которого разносился по окрестности...

Они пронеслись мимо.

Отдаленным глухим ропотом стал уже доноситься шум падающей воды; он то сливался с говором пчел, то совсем замирал.

Во власти одного порыва Лют и Крис взглянули друг на друга.

– О Крис! Как хорошо здесь, как хорошо жить!

Он ответил ей теплым, нежным взглядом.

Они постепенно подымались на высоты, и, казалось, лошадям передалось то возбуждение, которое чувствовали всадники.

Не было никакого признака, предчувствия, предупреждения...

Лют ничего не слышала, но вдруг, за секунду перед тем как лошадь упала, девушка почувствовала, что нарушено единство, с которым неслись обе лошади. Она повернула голову и тотчас же увидела, что Команч падает. Команч не оступился и не споткнулся. Точно его кто-то сразу оглушил страшным ударом... Он упал на землю, но в силу инерции подскочил кверху, глухо застонал и стал скатываться вниз по откосу...

Лют спрыгнула с лошади и, не помня себя от ужаса, побежала к краю пропасти... Крис вылетел из седла, но правой ногой запутался в стремях и делал напрасные усилия освободиться. Спуск был слишком крутой, и нельзя было надеяться на то, что страшное падение в бездну будет чем-нибудь задержано.

Прижав руку к груди, Лют почти спокойно стояла у края обрыва, и образ погибающего Криса заслонился в ее глазах образом отца, который поднял грозную, призрачную руку и занес ее над лошадью и всадником.

Лют видела, каких усилий стоило Крису высвободить ногу из стремени... Она видела еще, как умный Команч цеплялся за каждый выступ, желая хоть на миг снова овладеть равновесием... Крис вдруг вытянул руку и ухватился правой рукой за молодой куст... Стремя натянулось – казалось, оно сейчас разорвется от напряжения, но через сотую долю секунды корень растения вырвался из рыхлой почвы и вместе с конем и человеком исчез из виду...

Лют оглянулась вокруг...

Одна на свете... Возлюбленный ее ушел – ушел навсегда и унес свою тайну с собой. Словно он никогда и не существовал – остался только след подков Команча.

– Крис! – закричала горестно Лют и повторила: – Крис!

Но напрасно.

Из глубины доносился только говор пчел и – изредка – всплески воды.

– Крис! – закричала Лют в третий раз и медленно опустилась на пыльную дорогу.

Она почувствовала, как прикоснулась к ней забытая Долли; она прильнула головой к шее лошади и стала ждать. Она сама точно не понимала, зачем и чего ждет, но инстинктивно сознавала, что, кроме ожидания, жизнь ничего не сохранила для нее...

Местный колорит

– Я не понимаю, почему бы тебе не использовать своих обширных знаний, – сказал я ему. – Такой энциклопедист, как ты, который к тому же обладает даром выражать свои мысли, с твоим стилем...

–.. в достаточной степени газетным, – нежно прервал он меня.

– Вот именно! Ты мог бы прекрасно заработать.

Но он в задумчивости скрестил пальцы и пожал плечами:

– Плохо оплачивается; я пробовал.

Он добавил после паузы:

– Но все же оплачивалось и печаталось... И меня даже почтили принятием на шестьдесят дней в Хобо.

– В Хобо? – осведомился я.

– В Хобо. – Его взгляд остановился на моей книге и пробежал по нескольким строкам в то время, как он сказал мне следующее: – Видишь ли, милый друг, Хобо – это особое место заключения, в котором собраны бродяги, нищие и всевозможные человеческие отбросы. Слово само по себе красиво и имеет свою историю. Оно французского происхождения. По-настоящему оно звучит: *Hautbois*; *haut* – значит высокий, а *bois* – дерево. По-английски получается нечто вроде гобоя, деревянного музыкального инструмента. Замечательное дело! Удивительный скачок! Слово это, перейдя через океан в столицу Северо-Американских Штатов, неведомо по каким причинам изменило свой смысл. В Европе музыкальный инструмент, а в Америке – хулиган. А затем постепенно, по мере того как искажают его смысл, искажают и произношение, и в конце концов получается Хобо.

Я прислонился к спинке кресла и про себя удивлялся этому человеку с энциклопедическим умом, этому простому бродяге, Лейсу Кле-Рандольфу, который чувствовал себя у меня как дома, который очаровывал моих гостей, как и меня, ослеплял блеском и изысканными манерами, тратил мои карманные деньги, курил мои лучшие папиросы и разборчивым взглядом пробегал по моим книжным полкам.

Он подошел к книжному шкафу и взглянул на «Экономические основы общества» Лориа.

– Ты знаешь, я люблю говорить с тобой, – заметил он. – Ты не односторонний человек и получил основательное образование. Ты очень много читал, даешь свое, как ты там называешь, экономическое толкование истории (с презрительной улыбкой!) и с течением времени выработал свой индивидуальный взгляд на жизнь. Но твои социологические суждения и теории в корне испорчены отсутствием соответствующих практических знаний. Разница между нами та, что – прости великодушно! – я больше твоего читал и к тому же знаю практическую сторону жизни. Понимаешь ли, я пережил свою жизнь, обнажил ее, ухватился за нее обеими руками, пристально вглядывался в нее, ощупывал ее, видел плоть и кровь ее и, как чистый интеллектуалист, не был сбит с толку ни страстями, ни предрассудками. Вот это все, чего недостает тебе и чем владею я, необходимо для ясных и трезвых взглядов на действительность. – Он вдруг воскликнул: – А! Право, интересное место! Послушай!

И своим удивительно ясным голосом он прочел мне вслух несколько строк из книги Лориа, причем по ходу чтения давал свои меткие объяснения и замечания, популярно разъяснял запутанные и непонятные места, по-своему освещал исследуемый вопрос, останавливался на тех пунктах, которые, очевидно, самому автору были не совсем понятны, – одним словом, искрой своего яркого гения, огненным вдохновением великого ума оживил тяжелые, скучные и безжизненные страницы.

Уж много времени прошло с тех пор, как Лейс Кле-Рандольф впервые постучался у черного входа Айдльальда и покорила сердце Генды. Теперь Генда была холодна, как ее родные норвежские горы, хотя в иные минуты по-прежнему разрешала более приличным бродягам помещаться на черной лестнице и доедать остатки с нашего стола. Но это было безусловно исключительным явлением, что какой-то оборванец, ночной бродяга нарушил священные статуты кухонного царства и задержал обед; больше того – в это самое время Генда отводила ему самый теплый угол, где бы он мог отдохнуть. Ах, эта Генда, этот Подсолнечник с мягким сердцем и мгновенно загорающей симпатией!

Лейс Кле-Рандольф очаровал ее, и мне доставляло искреннее удовольствие смотреть на нее. У нее вдруг возник новый проект: предложить ему костюм, нужды в котором я никогда больше не почувствую.

– Ну, конечно, – сказал я, – он мне совершенно не нужен. – И мысленно представил себе мой серый костюм с порванными карманами. – Но все же тебе следовало бы сначала починить карманы.

Лицо Подсолнечника вдруг омрачилось.

– Нет, – сказала она. – Я про черный костюм говорю.

– Черный! – начал я с легким раздражением, словно не веря ее словам. – Ведь я его надеваю довольно часто и даже сегодня вечером думаю надеть.

– У тебя имеются другие костюмы, и получше, – торопливо сказала она. – К тому же он уже блесит.

– Блесит?!

– Еще не блесит, но скоро будет блеснуть. А человек этот, правда, почтенный, очень милый, вежливый, и я уверена, что он...

– Знал лучшие дни?

– Вот именно! Жизнь у него была тяжелая, суровая, и белье вконец изорвалось. Ведь у тебя много костюмов.

– Пять! – уточнил я, считая и темно-серый рыболовный костюм с порванными карманами.

– А у него ни одного... И дома ничего нет...

– Даже Подсолнечника, – сказал я, обняв ее. – Вот почему он заслуживает все. Отдай ему мой черный костюм. Нет, дорогая, даже не черный, а самый лучший. Небо примет это во внимание и должным образом вознаградит меня.

– Какой ты милый! Какой ты милый! – Подсолнечник направился к двери и с порога послал мне очаровательный, обольстительный взгляд. – Ты настоящий душка.

Она вскоре вернулась робкая, с кающимся лицом.

– Я... я дала ему одну из твоих белых рубах. На нем дешевая, отвратительная бумажная рубаха. При твоём костюме это выглядело бы смешно и глупо. Потом у него были совсем стоптанные ботинки, и я отдала ему твои, с узкими носами, старые.

– Старые?

– Ну да! Ведь они страшно жали.

Уже семь лет прошло со дня первого визита к нам Лейса Кле-Рандольфа. Он часто с тех пор наезжал, и никто из нас никогда заранее не знал, как долго он думает оставаться. Никто не знал и того, когда он приедет, ибо он был подобен комете, странствующей в небесной выси.

Бывало, он приезжает чисто и хорошо одетый, недавно расставшись с высокопоставленными знакомыми, такими же друзьями, как и я. А иногда – усталый, грязный, скверно одетый, он буквально приползал ко мне неведомо откуда, не то из Монтанаса, не то из Мексики. И, пробыв неопределенное время, не говоря ни слова, не спрашивая совета, весь во

власти своего Wanderlust'a, снова уходил – уходил в далекий, мистический и великий мир, который почему-то называл «путем».

– Я не решался уйти до тех пор, пока не поблагодарю вас от всего сердца, – сказал он в тот вечер, когда надел мой лучший костюм.

Сознаюсь, я был искренно поражен, взглянув на него поверх газеты. Я увидел вполне приличного, даже слегка надменного господина, свободного в манерах и развязного в разговоре. Подсолнечник был прав: этот человек безусловно знал лучшие дни, раз черный костюм и свежая рубашка могли произвести такую метаморфозу. Я невольно привстал и поздоровался с ним, как с равным. И вот именно в это время меня покорила обаятельность Кле-Рандольфа. Эту ночь он провел в Айдльальде, затем – следующую и много других ночей. Он был из тех людей, которых нельзя не любить.

Подсолнечник искренно любил его, что же касается меня, то тот же Подсолнечник – свидетель, как часто в отсутствие моего приятеля я гадал о дне возвращения Лейса – любимого Лейса.

И при всем том об этом человеке мы ровно ничего не знали. Знали только, что он родился в Кентукки; все остальное оставалось покрыто мраком неизвестности. Он никогда не заговаривал об этом. Он всегда хвастал полным противоречием между рассудком и чувством. Весь мир и все явления в нем для него представлялись проблемами. По виду было крайне трудно судить о нем. Часто в разговоре он пользовался всевозможными наречиями, не избегал жаргона; иногда проскальзывал настоящий воровской жаргон, и по лицу, разговору, различным деталям Лейс выглядел преступником. Иной раз это был культурный, выложенный джентльмен, философ и ученый. Иногда в его разговоре вспыхивали искры большого, неподдельного чувства, ощущался крупный человек, которым он когда-то был, но все это исчезало раньше, чем я успевал разобраться в нем. Это был человек под маской, но маска никогда не приподнималась, и настоящего человека мы не знали.

– Итак, значит, вас за журнальную деятельность почтили шестьюдесятью днями тюремного заключения, – сказал я. – Оставьте в покое Лория и расскажите мне подробно, как это случилось.

– Что ж, если вам угодно выслушать... – и он с коротким смехом положил ногу на ногу. – Это случилось в городе, которого мы не назовем, – начал он. – И вот в столице, прекрасной, чудной столице с пятидесятитысячным населением, где мужчины раболепствуют из-за долларов, а женщины из-за нарядов, мне пришла в голову замечательная мысль. Мысль, как каждая мысль, казалась очень заманчивой, и к тому же у меня были совершенно пустые карманы. Собственно говоря, это была старая мысль, которая давно питалась соками моих мозгов. Видите ли, я хотел примирить Канта со Спенсером. Конечно, я примирить их не мог, но просто хотел написать сатиру.

Я нетерпеливо махнул рукой, но он оборвал меня.

– Позвольте, должен же я вам обрисовать то свое душевное состояние, при котором все это случилось. Итак, мысль явилась. Любопытно, какую статью может написать бродяга, хулиган! Написал и отправился в редакцию. Цербер в образе чахоточного юноши в лифте поднял меня наверх.

«Желтоликий юноша, – молвил я, – прошу тебя покорно указать мне путь к «святая святых».

Он удостоил меня усталым презрительным взглядом.

«Вам кого угодно?»

«Редактора, лилейный мой!»

«Какого редактора? – огрызнулся он, как бультерьер. – Драматического? Спортивного? Общественного? Политического? Телеграфного? Телефонного? По отделу хроники? Какого?»

«Не знаю какого. Редактора, – заорал я во все горло. – Только редактора! Главного!»
«Ах, Спарго!» – догадался он.

«Ну, конечно, Спарго, – подтвердил я. – Кого же еще?»

«Вашу карточку позвольте».

«Что такое? Мою?!»

«Карточку! И скажите, по какому делу», – и анемичный цербер смерил меня таким дерзким взглядом, что я достаточно решительно коснулся его худой груди своим кулаком.

Лейс рассеянно взглянул на длинный пепел своей сигары и повернулся ко мне.

– Знаешь, Анак, ты не в состоянии оценить то наслаждение, которое можно себе доставить, если умело разыграть буффона, шута, просто клоуна. Ты, если бы даже захотел, не мог бы это сделать. Тебе помешали бы эти жалкие мелкие условности и неукоснительные правила приличия. Конечно, разыграть дурака, совершенно не заботясь о последствиях, не может человек-домосед, почитающий законы и обязанности гражданина.

Одним словом, я узрел несравненного Спарго. Это был крупный, мясистый человек, с полным, потным, красным лицом и двойным подбородком. Когда я вошел, он говорил или, вернее, ругался по телефону и направил на меня испытующий взгляд. Повесив на место трубку, он выжидательно посмотрел на меня.

«Вы очень занятой человек?» – спросил я.

Он кивнул головой.

«Стоит ли в конце концов? – спросил я. – Стоит ли так трудиться? Разве жизнь воздаст вам по трудам вашим? Взгляните на меня. Я не пашу и не жну».

«Кто вы такой? Что вам угодно?» – неожиданно зарычал он и напомнил мне собаку, жадно раздирающую кость.

«Ваш вопрос, милостивый государь, я нахожу вполне уместным, – сознался я. – Прежде всего я – человек; во-вторых, угнетенный американский гражданин. Подобно немногим, я не обременен ни профессией, ни ремеслом, ни надеждами, но, подобно Исаву, я лишен похлебки. Резиденция моя – мир; кровля моя – небо. Я один из лишенных собственности как движимой, так и недвижимой; я – санкюлот, пролетарий, или, проще говоря, бродяга».

«То есть порождение сатаны?»

«Нет, прекрасный сэр, не то; бродяга – это человек, совратившийся с пути истинного, но человек...»

«Достаточно! – закричал он. – Что вам нужно?»

«Денег!»

Он вздрогнул и потянулся к открытому ящику, где, вероятно, лежал револьвер, но передумал и закричал:

«Это не банк!»

«Знаю! К тому же, сэр, я не захватил с собой чека для обмена на наличные деньги; но, сэр, я захватил с собой мысль, которую, с вашего позволения и любезного действия, превращу в наличные. Одним словом, что вы имеете против «Воспоминаний бродяги», очерка из бродяжнической жизни? Принципиально приемлема ли такая статья? Жаждают ли ее ваши читатели? Умоляют ли слезно о ней? Могут ли быть счастливы без нее?»

С минуту мне казалось, что его хватит апоплексический удар, но он смирил волнение крови и заявил, что ему нравится мой сильный характер. Я поблагодарил и уверил его, что я сам достаточно люблю его. Затем он предложил мне сигару и высказал предположение, что мы сговоримся.

«Имейте в виду, – сказал он, протянув мне бумагу и карандаш, – что легкомысленной философии и напыщенной фразеологии, к которой вы имеете склонность, я не потерплю. Главным образом, дайте *колорит*, местный оттенок, приправьте его частицей чувства, но,

ради Бога, избегайте снотворного начала в духе политической экономии. Не касайтесь социализма, социологии и тому подобной дряни. С начала до конца дайте конкретные факты, трескучие жизненные факты, хрустящие, звонкие, интересные факты, – поняли?»

Я понял и занял у него доллар.

«Не забудьте про местный *колорит*», – бросил он мне вдогонку.

– Анак, этот местный колорит и подвел меня. Анемичный цербер ухмыльнулся, когда усадил меня в лифт.

«Что получил по шее, а?»

«Нет, бледнолицый юноша, нет, лилия моя, – сказал я, проводя мимо его носа бумагой. – Не по шее я получил, а работу, понимаешь? Через три месяца я буду главным редактором у вас, и тогда ты у меня попрыгаешь», – с этими словами я смазал его по физиономии.

– Но как вы могли это сделать, Лейс! – закричал я, словно видя перед собой чахоточного мальчика.

Лейс сухо засмеялся.

– Милый друг мой, вот опять недоразумение! Вами овладело типичное, стереотипное волнение. Оставьте в покое ваш темперамент. Вы, право, не способны к рациональным суждениям. Цербер! Господи, о ком вы говорите! Потухающая искра, потускневшая блеска, слабо пульсирующий, умирающий организм... По-моему, он даже не проблема! В мертворожденных, недоношенных и хилых нет никакой проблемы! И цербер для меня не проблема.

– Местный колорит? – сказал я.

– Ах, да, – сказал он, – я опять уклонился от темы. Ну, и вот – пошел я со своей бумагой в железнодорожный двор (чтобы набраться местного колорита), уселся на ступеньках пульмана и написал чепуху. Конечно, она вышла довольно остроумной и даже блестящей. Я напиговал ее социальными парадоксами, меткими ударами по властям и привел несколько конкретных фактов. С точки зрения бродяги, наиболее прогневшим социальным элементом является полиция. Я решил открыть глаза добрым людям и доказал чисто математически, что обществу гораздо дороже стоит преследовать, исправлять и арестовывать бродяг, чем в качестве гостей через определенные промежутки времени помещать их в лучших отелях. Я достаточно развил это положение, привел должные факты и цифры, указал на расходы по содержанию полиции, судов и тюрем и т. д. Уверяю вас, что это было очень убедительно и совершенно верно; я написал в легком юмористическом тоне, который вызывал смех и некоторое волнение, словно от укола. Главным образом, я указывал на то, что бродяг надуют самым жестоким образом. Общество, желая обезвредить себя от бродяг, отпускает громадные средства, на которые «бывшие люди» могли бы жить припеваючи, а между тем они гниют в тюрьмах. Я вывел на чистую воду одного из полицейских; не забыл также и известного Соль-Гленгарта, самого зловредного из людей и судей. Я указал на все его гражданские провинности, которые хорошо были известны всему городу, но имени его не назвал, а придерживался безличного тона, который, однако, ни у кого не вызывал сомнения относительно верности местного колорита. Не угодно ли тебе послушать часть моего заключения:

«Мы никогда не забываем, что находимся за бортом; наши пути – не их пути; наши способы отличны от способов всех других людей. Мы бедные, заблудшие овцы, отуманенные и забитые, мы плачем о корке хлеба и прекрасно сознаем всю свою беспомощность, ненужность и весь позор. И мы можем воскликнуть, как восклицают наши братья за морем: «Наша гордость в том, чтобы не хранить в душе и следа гордости». Человек забыл нас, и Господь оставил нас. О нас помнят только судьи, которые дорожат нашим отчаянием, нашей преступностью, ибо из наших вздохов и слез они куют свои ярко блестящие доллары». Очевидно, я недурно изобразил Соль-Гленгарта.

«Черт возьми! – крикнул Спарго, мигом просмотрев мою рукопись. – Ловкий удар, милый мой!»

Я направил выразительный взгляд на карман его сюртука, и он передал мне одну из лучших сигар, которые я когда-либо курил, после чего снова стал просматривать рукопись. Во время чтения он два или три раза вопросительно взглянул на меня поверх листа, но ничего не сказал, пока не закончил.

«Послушай, ты! Где ты до сих пор работал?» – спросил он.

«Мой первый опыт», – сказал я, дергая одной ногой и слегка симулируя замешательство.

«Какое хочешь жалованье?»

«О нет, только не жалованье! – воскликнул я. – Только не жалованье. Покорно благодарю вас. Я человек свободный, американский гражданин, и ни один человек не посмеет сказать, что мое время принадлежит ему».

«А как ты узнал, что я состою при полиции?» – быстро спросил он.

«Я не узнал, но только догадывался, что вы готовитесь к этому, – ответил я. – Вчера утром какая-то очень добрая женщина подала мне три сухаря, кусок сыра и кусок древнейшего шоколадного пирога – все это завернутое в последний номер Clarion'a, из которого я, к великой радости своей, узнал, что кандидат Cowbell'я в шефы полиции не прошел. Точно так же я узнал, что муниципальные выборы на носу, ну и помножил два на два. Как видите, очень просто».

Он встал, сердечно потряс мою руку и опорожнил свой туго набитый портсигар. Я убрал новые сигары и продолжал попыхивать старой.

«Вы подойдете! – радостно заявил он и указал на мою работу. – Эта дрянь – наш первый выстрел. С вашей помощью мы состреляем еще много таких выстрелов. Знаете, такого человека, как вы, я ищу уже много лет. Идемте к издателю. – Я отрицательно покачал головой. – Ну же, идем, – настаивал он. – Без глупостей! Вы необходимы Cowbell'ю, он давно жаждет вас, ищет повсюду и не будет знать покоя, пока вы не будете принадлежать ему».

Спустя только полчаса Спарго сдался.

«Но помните, – сказал он, – что всегда, когда бы вы ни обратились ко мне, я приму вас и выдам вам дукаты».

Я поблагодарил его и попросил сейчас же выдать мне гонорар за работу. Узнав, что гонорар выдается по четвергам после напечатания, я попросил у Спарго несколько монет займа и получил тридцать долларов.

Я намеревался сунуть церберу пять долларов, но, к моему удивлению, он наотрез отказался. Тогда я схватил его за шиворот, выбил из него то небольшое количество духа, которое еще было в нем, согнул его пополам и опустил в его карманы две монеты в пять долларов, но только лифт тронулся, как обе монеты покатались за мной вдогонку.

Не успел я завернуть за угол, как за плечом моим раздался голос:

«Здорово, бродяга! Куда?»

Это был Чи-Слим, с которым я однажды встретился, когда был сброшен с парохода в Джэконсвилле.

Тут с губ Лейса заструился жаргонный поток, и я остановил его.

– Ах да! – весело воскликнул он. – Я и забыл, что вы не знаете нашего жаргона. Одним словом, Слим рассказал мне, что за городом находятся наши парни. Мы и пошли туда. Приняли меня очень хорошо и даже решили все вместе немедленно собрать милостыню и после годичной разлуки со мной должным образом почтить мое возвращение. Но я, ни слова не говоря, выкинул свою выручку, и Слим немедленно пошел за напитками. Удивительно, какое количество вина можно купить на тридцать долларов, и не менее удивительно то, какое количество вина могут выпить двадцать молодцов. Это была замечательная, величественная оргия под открытым небом. В качестве этюда примитивной животности это собрание преступников и бродяг было верхом совершенства. Для меня в пьяном человеке всегда есть что-

то чарующее, и будь я президентом Соединенных Штатов, я непременно учредил бы «Общедоступные курсы практического пьянства». Они имели бы большой успех, уверяю вас.

Но к делу! В результате оргии на следующий день рано утром всю нашу шайку схватили и отвезли в тюрьму. После завтрака, часов в десять, нас выстроили всех в ряд в присутствии судьи в пурпурной мантии, с крючковатым носом и блестящими бисерными глазами. Словом, перед Соль-Гленгартом.

«Джон Амброз», – вызвал клерк, и Чи-Слим поднялся, продемонстрировав опытность бывалого человека.

«Бродяга, Ваша честь», – сказал судебный пристав, и его честь, не удостоив подсудимого даже взглядом, проронил: «Десять дней», и Чи-Слим сел.

Разбирательство пошло дальше с однообразием и монотонностью часового механизма: пятнадцать секунд на человека, четыре человека в минуту! Грязные лица поднимались и тотчас же, как марионетки, опускались. Клерк называл фамилию, пристав – вину, судья – приговор, и человек садился. Ну да, просто? И превосходно.

«Л. К. Рандольф!» – вызвал клерк.

Я встал, но в процессе судопроизводства произошла заминка. Клерк что-то шепнул судье, а пристав улыбнулся.

«Если не ошибаюсь, мистер Рандольф, вы – журналист», – сладко сказал его честь.

Я очень удивился его заявлению, ибо в перипетиях последнего вечера и утра я совершенно забыл про Cowbell, а теперь увидел себя на краю пропасти, которую сам себе вырыл.

«Это мое личное дело, ваша честь».

«Вы, очевидно, очень интересуетесь местными делами, – сказал он и взял в руки Gowbell. – Колорит хорош, безусловно, – пояснил он, одобрительно подмигнув глазом, – картина сделана великолепно и широкими мазками. Предполагаю, что судью, которого вы так хорошо обрисовали, вы взяли из жизни?»

«Не могу сказать, ваша честь! Это, собственно говоря, интуиция. Я просто намечал тип, как он мне представлялся».

«Но все-таки, сэр, местный колорит безусловно имеется», – продолжал он.

«Несколько ниже», – объяснил я.

«Значит, судья не взят из жизни?»

«О, нет», – смело заявил я.

«А могу осведомиться, сколько вы получили за эту работу?»

«Тридцать долларов, ваша честь».

«Гм, хорошо! – И его тон резко переменялся. – Имейте в виду, молодой человек, что местный колорит – вещь очень дурная, а потому приговариваю вас к тридцати дням заключения, что при вашем желании могу заменить штрафом в тридцать долларов».

«Увы! Я истратил все свои деньги, кутнул вчера».

«И еще тридцать дней за неразумную трату заработка. Следующий!» – обратился он к клерку.

Лейс чиркнул спичкой, зажег потухшую сигару и раскрыл лежащую на коленях книгу:

– Возвращаясь к нашему разговору, хочу спросить тебя, Анак, не находишь ли ты, что, хотя Лория к вопросу о раздвоении личности подходит с большой осторожностью, тем не менее он упускает из виду один весьма важный факт, а именно...

– Да, – сказал я рассеянно, – да!

Любимцы Мидаса

Уэд Этчелер умер – покончил самоубийством. Было бы неправдой сказать, что его смерть явилась полной неожиданностью для той небольшой компании, в которой он чаще всего бывал. И при всем том, мы, наиболее близкие его друзья, никак не ожидали такого трагического конца. До известной степени можно допустить, что мы были подготовлены к этому какими-то, на первый взгляд, непонятными, подсознательными обстоятельствами.

До того, как случилась эта смерть, сама мысль об ее возможности была бесконечно далека для нас, но в ту самую минуту, когда мы узнали, что Уэд Этчелер умер, нам показалось, что мы уже очень давно ждали его кончины и были уверены, что иначе и не могло быть. Так сказать, методом обратного анализа, вспомнив его тяжелое душевное состояние, мы легко объяснили себе этот факт. Я пишу «тяжелое душевное состояние» и подчеркиваю это выражение. Молодой, красивый, вполне обеспеченный материально, как правая рука известного магната «короля трамвая» Эбена Хэля, Уэд Этчелер, казалось бы, ни на что в общем не мог жаловаться. И, тем не менее, мы видели, как под воздействием какого-то неведомого и всепоглощающего горя его гладкий, чистый лоб избородили морщины. Мы видели также, как его густые, черные кудри поредели и посеребрились, словно молодые побеги под палящим солнцем в засуху. Никто из нас не мог забыть того, как посреди самого буйного веселья, которого в последнее время он все чаще и все более жадно искал, – никто, повторяю, не мог забыть, как им вдруг овладевали глубокая рассеянность и мрачное настроение. В такие минуты, когда наши шалости доходили до апогея, внезапно, без всякой видимой причины, глаза его тускнели, лоб прорезали морщины, а лицо судорожно подергивалось от невыносимых нравственных мук... Он стискивал руки и, казалось, на краю пропасти боролся с какой-то неведомой нам опасностью.

Он никогда не говорил нам о своем горе; мы же были достаточно корректны и не расспрашивали его. Но все равно это ничего бы не прояснило. Если бы даже он поделился с нами своей тревогой, если бы даже мы знали все, ни наша помощь, ни наши силы не отвратили бы страшных событий.

С тех пор, как умер Эбен Хэль, при котором он состоял в качестве доверенного и ответственного секретаря (кроме того, приемного сына и полноправного компаньона!), он не появлялся больше в нашей компании. Как я узнал теперь, он перестал встречаться с нами вовсе не потому, что ему разонравилось наше общество. Нет! Его горе было так велико, что он просто боялся нарушить наше веселое и радостное настроение и, с другой стороны, не был уверен в том, что найдет у нас утешение. В то время мы ничего не знали, ничего не понимали, так как было обнародовано завещание Эбена Хэля, который назначил Уэда единственным наследником своего многомиллионного богатства и в специальном примечании оговорил, что право Уэда распоряжаться им абсолютно ничем не ограничивается. Родственники покойного не получили ни единого цента наличными и ни единой акции. Что же касается семьи, то Эбен Хэль указал в завещании, что Уэду Этчелеру предоставляется неограниченное право выдавать вдове и сиротам любые суммы и в любые сроки по своему усмотрению. Все это было бы еще понятно, если бы семья покойного считалась неблагополучной или сыновья вели себя неподобающе в обществе. При подобных обстоятельствах в этом бессмысленном завещании можно было бы отыскать хоть крохотный проблеск разума. Но семейное счастье Эбена Хэля вошло у нас в поговорку, и много пришлось бы потрудиться тому чудаку, который пожелал бы найти более здоровое, чистое и прекрасное поколение, чем его сыновья и дочери... Если бы еще его жена... Но кто же не знает, что эту редкую женщину мы любовно называли «мать Гракхов».

Понятно, что в продолжение нескольких дней только об этом непонятном завещании и говорили. Но возбужденная обывательщина была окончательно разочарована, когда узнала, что никакого процесса не предвидится и никто не собирается оспаривать прав Уэда Этчелера.

Еще только на днях Эбен Хэль упокоился в своем замечательном мраморном мавзолее, и вот уже не стало и Уэда Этчелера... Сообщение об этом напечатано в сегодняшних утренних газетах. И я как раз только что получил от него по почте письмо, которое, судя по всему, было отправлено незадолго до того, как он ушел из жизни. Письмо это, которое сейчас лежит предо мной, – это, собственно, его рассказ, дополненный рядом газетных выдержек и копиями из писем. Как он сообщал мне, оригиналы этих же писем он передал в руки полиции. Меня лично он просил, используя гласность, предупредить и предостеречь общество от страшной опасности, угрожающей его существованию. Он полагал, что читателям небезынтересно будет познакомиться с той ужасной серией трагических происшествий, невинной жертвой которых он стал.

Я счел наиболее благоразумным опубликовать все его послание ко мне.

* * *

Удар разразился в августе 1899 года, как раз после моего возвращения с летнего отдыха. Но в то время мы еще ничего не знали. В школах нас не приучили к восприятию таких страшных возможностей. Мистер Хэль открыл письмо, прочел его и со смехом перебросил на мой письменный стол. Просмотрев его, я в свою очередь расхохотался:

– Какая глупая шутка! Во всяком случае, мистер Хэль, письмо это свидетельствует о довольно дурном вкусе авторов!

Дорогой Джон, я посылаю тебе точную копию этого странного послания.

«Канцелярия “Л. М.”

17 августа 1899 года.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Предлагаем вам реализовать известную часть вашего имущества с тем, чтобы выручить наличными деньгами двадцать миллионов долларов. Эту сумму мы просим вас уплатить нам или же нашим агентам. Благоволите обратить внимание на то, что мы никоим образом не намерены торопить вас. Если вы найдете это для себя более удобным, то можете уплатить нам деньги в десять, пятнадцать или же двадцать сроков, но предупреждаем вас, что меньше одного миллиона за раз мы никак не можем принять.

Убедительно просим вас, любезный мистер Хэль, верить нам, что никакие дурные чувства к вам в данном случае не руководят нами. Мы принадлежим к тому интеллигентному пролетариату, число членов которого неуклонно выросло за последние годы девятнадцатого столетия. Всестороннее изучение экономических наук вынудило нас выбрать этот путь, который имеет ряд преимуществ и, в первую голову, дает возможность организовать очень крупные и выгодные операции, не имея основного капитала. До сих пор мы работали вполне успешно и позволяем себе надеяться, что и с вами нам удастся завязать приятные и удовлетворительные отношения.

Просим вас отнестись с должным вниманием к изложению нашей тактики. В основе нынешней социальной системы лежит право собственности. И это право *индивидуума* владеть своей собственностью покоится, как показали последние весьма тщательные исследования, исключительно и безусловно на *силе*. Одетые в кольчугу рыцари Вильгельма Завоевателя раздробили и поделили Англию только с помощью обнаженного меча. Мы уверены, вы согласитесь с нами, что подобное положение сохраняет свою силу в отношении всех

феодалных владений. С изобретением пара и последовавшей вслед за тем Индустриальной Революцией появился на свет божий Капиталистический Класс в современном значении этого слова. Капиталисты чрезвычайно быстро взяли верх над прежней аристократией. Рыцари индустрии очень ловко вытеснили с арены потомков рыцарей войны. Мозг, а не мускулы, играет теперь главную роль на всех поприщах человеческого существования. Но подобное положение вещей точно так же зиждется на *силе*. Перемена заключалась лишь в *качественном* отношении. Прежние феодальные бароны грабили мир огнем и мечом. Нынешние же денежные бароны эксплуатируют мир тем, что поработили все мировые экономические силы, которые работают в их пользу. Остается в силе прежнее положение: не труд, а мозг! И вот что дает возможность побеждать более сильным в коммерческом и интеллектуальном отношении.

Мы, “Л. М.”, не желаем оставаться на положении наемных рабов. Мощные тресты и промышленные организации (к которым принадлежите и вы) препятствуют нам занять то место, на какое мы имеем право благодаря нашим способностям. Почему? Да только потому, что у нас нет капитала! Мы принадлежим к «неумытым», но с той разницей, что мы одарены первоклассными умами и лишены всяких этических и социальных предрассудков. В качестве наемных рабов, которые должны начать работу рано и закончить ее поздно, как бы экономно мы ни жили, нам не удалось бы и за шестьдесят лет (да и в двадцать раз по шестьдесят лет!) собрать достаточно денег для того, чтобы успешно бороться с нынешними могущественными капиталистическими объединениями. Тем не менее мы решили выступить на арену. Мы бросаем отважный вызов мировому капиталу. Хочет он бороться или же не хочет, все равно: бороться ему придется!

Мистер Хэль, наши интересы настоятельно диктуют нам необходимость требовать от вас двадцать миллионов долларов. Хотя мы и даем вам известный срок для реализации ваших ценностей, все же предлагаем вам не очень затягивать выплату денег. Если вам угодно принять наши условия, потрудитесь поместить соответствующее объявление в некрологическом отделе “Утреннего Света”. После этого мы выработаем совместный план получения причитающихся с вас денег. Лучше всего, если вы назначите для этого любой день до 1 октября. Если же наше условие будет отвергнуто вами, то с целью доказать вам серьезность своих намерений мы убьем человека на Восточной Тридцать Девятой улице. Это будет рабочий. Этого человека не знаете как вы, так и мы. Вы представляете собой известную силу в современном обществе. Точно так же мы представляем собой силу – силу новую! Без гнева и злобы мы сошлись с вами в бою. Если вам угодно будет серьезно разобраться в нашем предложении, то вы согласитесь, что оно – чисто делового характера. Вы – верхний жернов, мы – нижний, и эта человеческая жизнь будет размолота между нами. Вы еще можете спасти его, если своевременно согласитесь на наши условия.

Некогда жил король, который был проклят тем, что превращал в золото все, чего бы ни касался. Его именем мы воспользовались как нашим официальным фабричным клеймом. Надо думать, что в свое время, желая избавить себя от подражателей, мы заявим на него авторские права.

С совершенным уважением,

Любимцы Мидаса».

Милый Джон, представьте себе, как развеселило нас это письмо. Нельзя отрицать, что идея была очень недурна, но было бы очень смешно, если бы мы хоть сколько-нибудь серьезно отнеслись к такому забавному предложению. Мистер Хэль сказал, что сохранит письмо как литературный курьез и сунул его в какой-то ящик своего бюро. Естественно, через пару дней мы совершенно забыли о нем. Но представьте себе наше изумление, когда, разбирая утром 3 октября полученную почту, мы наткнулись на следующее письмо:

«Канцелярия “Л. М.”

1 октября 1899 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Милостивый Государь! Вашу жертву постигла та судьба, которая была ей предназначена. Час тому назад на Восточной Тридцать Девятой улице убит рабочий ударом ножа в сердце. В то время, как вы будете читать это наше письмо, его тело уже будет перенесено в морг. Сходите и полюбуйтесь делом рук ваших.

Если к 14 октября вы, придерживаясь своей прежней тактики, не выполните наших требований, то с той же целью доказать всю серьезность наших намерений мы убьем полисмена на углу Польш-стрит и Клермон-авеню – на углу или же поблизости тех мест.

С сердечным приветом,

Любимцы Мидаса».

Мистер Хэль снова рассмеялся. Весь его мозг был во власти предстоящей крупной сделки с чикагским синдикатом, касающейся приобретения всех местных городских железных дорог, и поэтому он продолжал диктовать своей стенографистке, не удостоив письмо хоть сколько-нибудь серьезного внимания. Не знаю почему, но на меня это письмо произвело очень тяжелое впечатление. «А что, если все это вовсе не шутка?» – спросил я самого себя и невольно схватил утреннюю газету.

Я наткнулся именно на то, что нужно. Как и подобало незначительному существу из низшего класса, ему было посвящено всего несколько строк, загнанных куда-то в угол, рядом с аптекарским объявлением. Заметка гласила следующее:

«Сегодня утром, в начале шестого, на Восточной Тридцать Девятой улице убит ударом ножа в сердце рабочий Пет Лескаль, направлявшийся на завод. Неизвестный убийца скрылся. Полиция еще не успела выяснить причин этого злодеяния».

– Это невозможно! – воскликнул Эбен Хэль, когда я прочел ему эту заметку. Но видно было по всему, что инцидент произвел на него впечатление, потому что после обеда, всячески обвиняя себя в том, что обращает слишком большое внимание на такие пустяки, он попросил меня навести в полиции справку о положении вещей. К моему непередаваемому удовольствию, в участке полицейского инспектора меня буквально подняли на смех, но я все же добился от них обещания, что в ночь на 14 октября угол Польш-стрит и Клермон-авеню будет особенно тщательно патрулироваться. И мы забыли об этом инциденте. Так прошли две недели, когда почта снова принесла нам такое послание:

«Канцелярия “Л. М.”

15 октября 1899 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Ваша вторая жертва пала в точно назначенное время. Мы нисколько не торопимся, но для того лишь, чтобы усилить давление на вас, мы отныне станем убивать еженедельно. Для того же, чтобы избежать нежелательного вмешательства полиции, мы будем извещать вас об убийстве либо одновременно с событием, либо чуть-чуть раньше. В надежде, что вы находитесь в добром здравии, просим принять уверения в полном уважении.

Любимцы Мидаса».

Мистер Хэль тут же схватил газету и, быстро отыскав интересующую нас заметку, прочел вслух следующее:

«Возмутительное убийство»

Джозеф Донагю, лишь сегодня ночью специально назначенный на дежурство в Одиннадцатом Участке, убит наповал выстрелом в голову. Убийство совершено при полном освещении уличных фонарей на углу Польш-стрит и Клермон-авеню. Поистине устои нашего общества окончательно подгнили, если охранители его мира и спокойствия гибнут подобным образом, чуть ли не на виду у всех. До сих пор полиции не удалось получить ни малейших указаний на то, кем и почему был убит Джозеф Донагю».

Мистер Хэль еще не успел дочитать, как к нам явился сам полицейский инспектор в сопровождении двух лучших сыщиков. Они были сильно встревожены и взволнованы не на шутку. Несмотря на то, что факты были крайне немногочисленны и просты, мы очень долго всячески разбирали трагическое происшествие. Уходя, полицейский офицер уверил нас, что им будут приняты чрезвычайные меры для того, чтобы преступники были схвачены и понесли должную кару. Он также заявил, что не мешает поставить несколько человек для личной охраны как мистера Хэля, так и меня. Кроме того, несколько человек были размещены на отдельных постах вокруг дома и служб. Спустя неделю, ровно в час пополудни, мы получили следующую телеграмму:

«Канцелярия “Л. М.”

21 октября 1899 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Нам крайне неприятно констатировать факт, что вы совершенно не понимаете нас. Мы узнали о том, что вы окружили себя лично и ваш дом вооруженными людьми, из чего заключили, что вы принимаете нас за самых обыкновенных преступников, способных напасть на вас и силой забрать двадцать миллионов. Смеем уверить вас, что, предполагая это, вы крайне далеки от понимания наших истинных намерений.

Если вам угодно будет несколько более трезво вдуматься в положение вещей, то вы, конечно, легко поймете, что ваша жизнь крайне дорога нам. Не бойтесь! Ни за что на свете мы не причиним вам никакого вреда. Напротив, вся наша тактика заключается именно в том, чтобы дорожить вашей жизнью и избавить вас от какого бы то ни было зла. Ваша смерть ровно ничего не может дать нам. Если бы она была нам нужна, то, будьте уверены, мы давно покончили бы с вами. Хорошенько подумайте над этим, мистер Хэль! Как только вы согласитесь выдать нам требуемые деньги, все ваши беспокойства и волнения кончатся. Поэтому мы усиленно рекомендуем вам как можно скорее рассчитать охранников и сократить ненужные расходы.

Еще до истечения десяти минут с момента получения вами этой телеграммы в Брентвуд-парке будет задушена молодая девушка-нянька. Тело ее можно будет найти в кустах за дорожкой, влево от музыкальной эстрады.

С сердечным приветом,

Любимцы Мидаса».

В тот же миг мистер Хэль схватил телефон и предупредил полицейского инспектора о готовящемся убийстве. Инспектор ответил, что тотчас сообщил в главную квартиру и одновременно послал людей в Брентвуд-парк. Ровно через пять минут он снова позвонил нам и сказал, что тело, еще теплое, найдено в указанном месте. В тот же вечер все газеты пест-

рели сенсационными, крупно набранными заметками о новом Джеке-Душителе. Наряду с осуждением неслыханной жестокости газеты упрекали полицию в полной беспомощности. Мы снова заперлись с инспектором, который Господом Богом заклинал нас все держать в глубокой тайне, уверяя, что весь успех дела зависит от нашего молчания.

Как нам известно, мистер Хэль был железный человек. Он ни за что на свете не хотел сдаваться. Ах, Джон, это было странно, это было ужасно – таинственное нечто, слепая сила во мраке. Мы не могли бороться, не могли строить какие-либо планы, и нам оставалось только сидеть сложа руки и ждать... Недели следовали за неделями, и регулярно каждую неделю, так же регулярно, как всходило солнце на небе, к нам приходило сообщение о смерти какого-нибудь человека – мужчины или женщины, виновного или совершенно невинного – убитого нами, именно нами, так, как будто мы убили его нашими же руками. Стоило мистеру Хэлю произнести только одно слово, и эта бойня немедленно прекратилась бы. Но суровым и жестоким стало его сердце, и он ждал. Между тем все глубже и глубже становились морщины на его лице, суровее глядели глаза, мрачнее сжимались губы, и все лицо старилось с каждым днем, с каждым часом. По-моему, нет нужды, Джон, говорить вам о том, что я лично переживал в этот страшный период. Вам стоит для этого просмотреть приложенные при сем письма и телеграммы Любимцев Мидаса, а также вырезки из газет для того, чтобы получить должное представление о всех случаях убийств, организованных этими злодеями.

Вы, вероятно, еще обратите свое внимание на то, что они часто письменно предупреждали мистера Хэля о махинациях его коммерческих врагов и некоторых секретных манипуляциях его конкурентов. Казалось, что Любимцы Мидаса все время держат руку на пульсе всего делового и финансового мира. Они весьма часто обладали сведениями, которых наши агенты никоим образом не могли получить. Между прочим, сделанное ими своевременное предупреждение спасло мистеру Хэлю пять миллионов долларов. А в другой раз они послали нам телеграмму, предупреждающую о готовящемся покушении на моего патрона со стороны анархиста. Мы арестовали этого человека, как только он явился к нам, и передали его в руки полиции, которая нашла у него изрядную порцию нового взрывчатого вещества, вполне достаточного для взрыва целого броненосца.

Мы упорствовали. Мистер Хэль держал себя молодцом и ни за что не хотел уступать. Он стал тратить уже по сто тысяч в неделю на «секретную службу». Были призваны на помощь многочисленные пинкертон и специальные детективные агентства, к которым присоединились тысячи лиц, числящихся у нас на службе. Все вместе они находили тысячи улик. Сотни людей были арестованы. Тысячи были взяты на подозрение, но ничего более или менее серьезного обнаружить не удавалось. Любимцы Мидаса чуть ли не каждый раз меняли свои способы общения с нами. Каждый агент, являвшийся к нам с поручением от их имени, немедленно подвергался аресту, но неизменно каждый раз оказывалось, что это были совершенно невинные люди, которые сами не знали, что делают и какое поручение выполняют. Еще нужно указать на то, что описание их примет никогда не совпадало с приметами, которые нам сообщали раньше. В последний день декабря мы получили следующее письмо:

«Канцелярия “Л. М.”

31 декабря 1899 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Применяя все ту же тактику – с ней, смеем надеяться, вы уже достаточно познакомились! – мы решили выдать сегодня пропуск из сей юдоли слез полицейскому инспектору Байингу, с которым благодаря нам вы так близко в последнее время сошлись. По своему обыкновению, он в настоящее время находится в своем кабинете. В тот момент, как вы просматриваете наше письмо, он выпускает последнее дыхание.

С сердечным приветом,

Любимцы Мидаса».

Я бросил письмо и подбежал к телефону. Можете представить мою радость, когда я услышал бодрый голос инспектора. Но, продолжая разговор, я вдруг услышал, как его голос начинает замирать, слова сменяются отчаянным хрипом и тут же уловил звук падающего на пол тела. Затем чей-то чужой голос окликнул меня, передал привет от Любимцев Мидаса и повесил трубку. С быстротой молнии я соединился с главной полицейской квартирой и предложил начальнику немедленно послать людей в кабинет инспектора Байинга. Я продолжал стоять у телефона, когда через несколько минут мне сообщили, что инспектора нашли плавающим в луже крови, при последнем издыхании. Не было никаких свидетелей, и никто не мог дать ни малейших сведений о том, как все произошло.

После этого мистер Хэль довел свои расходы на секретную службу до четверти миллиона в неделю. Он решил во что бы то ни стало выйти победителем из этой страшной игры. Сумма наград, назначенных за поимку преступников, достигла десяти миллионов. Вы имеете приблизительное представление о его богатстве и можете понять, как широко он поставил это дело. Он постоянно утверждал, что в данном случае ему дороже всего принцип, а не деньги сами по себе, и все его поступки вполне подтверждали и подчеркивали благородство его намерений. Была призвана на помощь полиция всех крупных городов. Мало того: в дело вмешалось правительство Соединенных Штатов, и вопрос приобрел общегосударственное значение. Были ассигнованы значительные средства из государственных фондов на поиски Любимцев Мидаса и одновременно объявлена мобилизация всех правительственных агентов. Но все напрасно! Любимцы Мидаса продолжали свою страшную работу с прежней регулярностью и последовательностью, которой, казалось, ничто не могло помешать.

В то же время, напрягая последние силы в борьбе, мистер Хэль никак не мог, однако, смыть ту кровь, которая пролилась по его вине. Конечно, формально он был совершенно не виноват, и обвинять его в прямом убийстве не отважился бы самый строгий состав присяжных заседателей, – но все же известная доля вины в смерти того или иного человека лежала на нем. Как я уже писал раньше, достаточно было одного его слова – и бойня прекратилась бы. Но он категорически отказывался произнести это слово. Он настаивал на том, что речь идет о неприкосновенности и безопасности всего общества, и дело вовсе не в том, что тот или иной трус постыдно сбежит со своего поста, жизненная справедливость требует, чтобы малая часть принесла себя в жертву ради большинства, ради всего остального человечества. И все же кровь была на нем, и он чувствовал это, и с каждым днем становился все угрюмее и удрученнее. Он как бы прикрывал своих соучастников, которые безжалостно убивали грудных младенцев, детей, взрослых, пожилых, стариков, причем эти ужасные убийства происходили не только в нашем городе, но в самом скором времени распространились по всей стране.

Как-то раз, в середине февраля, когда мы сидели в библиотеке, раздался сильный стук в дверь. Я подошел к двери, открыл ее и нашел на ковре в коридоре следующее послание:

«Канцелярия “Л. М.”

15 февраля 1900 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэръ! Неужели же ваша душа не возмущается той страшной кровавой жатвой, которая является делом ваших рук? Быть может, мы несколько абстрактно вели до сих пор наши переговоры и дела с вами? В таком случае разрешите нам перейти к более конкретным действиям. Как вам известно, мисс Аделаида Ледлоу, молодая девушка, столь же талантлива, сколь красива. Она – дочь вашего старого и лучшего друга, судьи Ледлоу, и нам случайно стало известно, что в свое время, когда она была еще ребенком, вы носили ее

на руках. Она – близкая подруга вашей дочери и в настоящее время находится у вас в гостях. Так вот, разрешите довести до вашего сведения, что в настоящую минуту, когда вы читаете это наше письмо, визиту мисс Ледлоу пришел преждевременный конец.

Сердечно преданные вам,
Любимцы Мидаса».

Господи Боже мой! Вы можете представить себе, Джон, что было с нами, когда мы прочли эти строки! Мы немедленно бросились в гостиную, но там девушки не оказалось. Тогда мы поспешили в ее комнаты, в которых она всегда останавливалась, когда приезжала к Хэлям. Дверь была заперта, но мы высадили ее собственными телами. Она лежала мертвая. Видно было, что она одевалась, готовясь поехать в оперный театр. Ее задушили подушками, снятыми с кровати. Тело ее еще хранило теплоту, а со щек еще не успел сбежать румянец. Разрешите мне не продолжать описание этого ужаса. Я не сомневаюсь, что вы ясно помните все газетные отчеты по этому делу.

Поздно ночью мистер Хэль пригласил меня к себе и потребовал поклясться Господом Богом, что я всегда буду помогать ему действовать в том же направлении и не скомпрометирую его имени, если бы даже для этого пришлось пожертвовать всем его имуществом, до последнего цента.

На следующий день он поразил меня своим превосходнейшим настроением. Мне казалось сначала, что последнее трагическое происшествие должно страшно подействовать на него, – и только впоследствии убедился, до чего он на самом деле был потрясен... Весь день он шутил, оставался очень веселым, остроумным, словно нашел, наконец, выход из создавшегося ужасного положения. А на следующее утро он был найден мертвым в постели, с ясной улыбкой на похудевшем челе: он покончил самоубийством с помощью удушливого газа. Полиция и власти пошли нам навстречу, позволив официально объяснить смерть Эбена Хэля разрывом сердца. Нам казалось, что будет гораздо полезнее, если мы скроем правду, но в общем-то это нам совершенно не помогло. Впрочем, никто и ничто не могло уже помочь нам!

Едва я вышел из комнаты покойного, как – увы, слишком поздно – мне подали следующее экстраординарное письмо.

«Канцелярия “Л. М.”

17 февраля 1900 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Мы надеемся, что вы простите наше столь скорое обращение к вам спустя только три дня после последнего печального происшествия. Но то, что мы имеем сейчас сказать вам, не терпит отлагательства: это заявление крайней важности. Мы подумали о том, что вы, быть может, пожелаете скрыться от нас. Само собой разумеется, для этого имеется только один путь, который для вас так же ясен, как и для нас. Но мы хотим уведомить вас, что даже этот единственный путь тоже отрезан для вас. Вы можете умереть, но умрете побежденным и признавшим свое поражение. Обратите внимание на следующее: *Мы являемся неотъемлемой частью ваших владений. Вместе с вашими миллионами мы перейдем к вашим наследникам навсегда!*

Мы – неизбежное! Мы – кульминационный пункт индустриальной и социальной несправедливости. Мы падаем на голову общества, которое вскормило нас таковыми. Мы – удачливые неудачники нашей эпохи, мы – бичи и скорпионы упадочной цивилизации.

Мы – создания вывернутого наизнанку социального подбора. Силе мы противопоставим нашу силу. Выдержать и победить может только сила. Мы верим, что выживут только те, кто умел приспособиться. Вы втоптали в грязь ваших наемных рабов и поэтому выжили. По

вашему приказанию военные вожди во время нескольких десятков кровавых забастовок, как собак, перестреляли рабочих – и вот что помогло вам выжить! Мы нисколько не жалуемся на подобные результаты, так как знаем, что и мы сами подчинены тем же самым стихийным законам. Теперь возникает лишь один вопрос: *при нынешних социальных условиях кто из нас переживет другого?* Вы уверены, что вы наиболее приспособлены. Мы же верим, что мы-то всех крепче. Разрешение этого вопроса мы предоставим времени и естественным законам.

С сердечным приветом,
Любимцы Мидаса».

Джон, вы все еще удивляетесь, почему я уклонялся от веселья и избегал друзей? Стоит ли продолжать дальнейшие объяснения? Ведь этот рассказ раскроет вам все карты, до единой. Три недели назад умерла Аделаида Ледлоу. С тех пор я стал жить в ожидании и страхе. Вчера состоялось мое утверждение в правах наследства, о чем было доведено до всеобщего сведения, а сегодня, несколько минут назад, мне сообщили, что женщина средних лет убита в Гольден-Гэт-парке, недалеко от Сан-Франциско. Телеграммы утренних газет принесли все подробности этого кошмарного убийства – подробности, которые вполне сходятся с теми, которые я узнал, так сказать, авансом.

Борьба бесполезна. Борьбаться с неизбежным я не могу. Я всей душой был предан мистеру Хэлю и сделал все, что было в моих силах. Признаться, я сам не понимаю, почему за такую преданность я должен быть *так* вознагражден. Я не смею обмануть выраженное мне доверие, как и не смею нарушить данное слово. Но все же я решил, что не буду больше участником этой бойни. Те большие миллионы, которые я получил на днях, я возвращаю законным наследникам. Пусть крепкие и выносливые сыновья Эбена Хэля попробуют отстоять свои права и богатства.

Еще до того, как это письмо попадет в ваши руки, меня уже не будет в живых. Любимцы Мидаса – всемогущи. Полиция абсолютно беспомощна. Я узнал из достоверных источников, что подобные же письма получали и получают другие миллионеры, но неизвестно, кто и что получал, потому что стоило кому-нибудь из них поднять шум, как на его уста накладывалась печать вечного молчания. Те же, кто сдерживался, пожинали ту же кровавую жатву, что и мы. Игра подходит к концу. Федеральное правительство ровно ничего не может сделать. Мне сообщили, что подобные организации возникли уже и в Европе. Общество потрясено в самых своих основах. Малые княжества и великие державы – не больше чем топливо, которое ждет своего пожара. Вместо масс, восстающих против класса, теперь класс восстал против классов. Мы, стражи человеческого прогресса, повергнуты во прах. Закон и порядок обанкротились самым постыдным образом.

Власти убедительно просили меня держать все это в глубокой тайне. Пока я мог, я делал это; теперь же я больше не в силах молчать. Это превратилось в вопрос общественной важности – в вопрос, чреватый чрезвычайно тяжелыми последствиями, и я полагаю, что мой долг заключается в том, чтобы до ухода из сей жизни предупредить всех о страшной опасности. Последняя моя просьба к вам, Джон, сводится к тому, чтобы вы обнародовали мое письмо к вам. Не бойтесь ничего! Судьба всего человечества ныне в ваших руках. Пусть пресса выпустит это миллионными тиражами! Пусть электрические провода разнесут это по всему миру! Где бы люди ни встретились и ни разговорились, пусть первым делом говорят об этом! И тогда, когда общество вдумается в создавшееся положение вещей, пусть оно поднимется во всей своей силе и мощи и уничтожит это гнусное порождение наших дней.

Примите прощальный привет от вашего
Уэда Этчелера».

Рассказ укротителя леопардов

Глаза его неизменно хранили мечтательное и отсутствующее выражение, и это вместе с печальным, мягким, как у девушки, голосом говорило о какой-то глубокой и безысходной меланхолии. Он был укротителем леопардов, но по внешнему виду этого никак нельзя было сказать. Повсюду, где бы он ни проживал, его профессиональная обязанность заключалась в том, что в присутствии многочисленной публики он входил в клетку с леопардами и нервировал эту публику, демонстрируя самые разнообразные опасные фокусы с хищными зверями, а получаемое им вознаграждение всегда было пропорционально успеху у зрителей.

Как я уже заметил, он нисколько не походил на укротителя. Узкогрудый и узкоплечий, довольно анемичного вида, этот человек, казалось, всегда был подавлен не столько безысходным горем, сколько сладостной и мягкой печалью, тяжесть которой имела такой же сладостный и мягкий характер.

В течение целого часа я пытался выудить из него какой-нибудь интересный рассказ, но в конце концов пришел к заключению, что он абсолютно лишен фантазии. Если верить ему, то ничего романтического, рискованного и страшного в его профессии не было. Ничего, кроме серого однообразия и беспредельной скуки.

Львы? Да, с ними ему тоже приходилось иметь дело. Это чепуха! Самое главное – всегда быть трезвым. Любой человек с обыкновенной палочкой в руках может укротить льва. Он лично однажды за полчаса укротил царя лесов. Надо уметь вовремя ударить его по носу и, когда лев опускает голову, умело отставить ногу. Когда же лев нацеливается на ногу, надо быстро отвести ногу назад и снова ударить его по носу. Вот и вся премудрость!

С тем же мечтательным выражением в глазах и неспешным, спокойным потоком слов он показал мне свои раны. У него было много ран, из коих одну он получил совсем недавно. Разозлившаяся тигрица до самой кости рванула ему плечо. Я увидел также аккуратно заштопанное место на пиджаке, куда пришелся отчаянный укус. Вся его правая рука, начиная от плеча, пострадала от когтей и клыков тигрицы так, что, казалось, будто бы несколько минут была под молотилкой. Но все это – пустяки, сказал он мне. Вот только старые раны надоедают в дождливую погоду. Только с ними ему и приходится возиться...

Вдруг его лицо прояснилось, точно он вспомнил что-то очень интересное, и я сразу понял, что ему так же хочется рассказать, как мне слушать.

– Я думаю, вам уже приходилось слышать об одном укротителе львов, которого ненавидел другой человек? – осведомился он.

Не дождавшись моего ответа, он выдержал паузу и с задумчивым видом поглядел на льва, лежавшего в клетке напротив.

– У него зубы болят! – пояснил он мне. – Ну, так вот, слушайте! Самый шикарный номер этого укротителя заключался в том, что в присутствии публики он вкладывал свою голову в пасть льва. Человек, ненавидевший его, терпеливо посещал каждое представление в надежде, что рано или поздно лев загрызет его. Он следовал за цирком буквально по всей стране. Годы шли за годами, и этих лет прошло уж так много, что враг постарел, и укротитель львов постарел, да и сам лев стал совсем стареньким. И, наконец, в один прекрасный день враг дождался своего: сидя на представлении, он увидел, как лев сомкнул челюсти так, что не потребовалась даже докторская помощь: чистая была работа!

Рассказчик поглядел на свои ногти с таким видом, который можно было бы назвать забавным, если бы в нем не сквозило столько безысходной печали.

– Да, – вдруг снова заговорил он, – вот что я называю настоящим терпением, и это вполне в моем духе. Но это не было в духе одного парня, которого я тоже в свое время знал. Это был маленький, худенький, поганенький французик, который занимался жонглерством и

шпагоглотанием. Он называл себя де Виллем, и у него была прелестная женка. Она работала на трапедии и лучше всего проделывала номер, который заключался в том, что она падала с купола на сетку, протянутую чуть ли не над самой ареной, причем во время падения успевала несколько раз перекувырнуться в воздухе. Она здорово делала это!

У де Вилля был такой же горячий темперамент, как горяча была его рука, а рука его была горяча, как мгновенный удар лапы тигра. Однажды кто-то из наших коллег назвал его пожирателем лягушек, а, может быть, и того хуже, – и вот что выкинул де Вилль. Он загнал обидчика в самый угол, к деревянной доске, в которую он обычно втыкал свои бесчисленные ножи, и проделал это так быстро, что несчастный не успел опомниться и в присутствии публики буквально был пригвожден к доске массой ножей, которые в тело не впились, но пришили одежду.

Он был так пришит к доске, что клоунам долго пришлось выдергивать ножи, прежде чем он обрел свободу. Об этом стало известно всем нашим, и никто уже больше не осмеливался задевать его или приставать к его жене. А надо вам сказать, была она довольно легкомысленная штучка, и если бы не страх перед де Виллем...

Но у нас работал один паренек, по фамилии Уэллос, который ничего на свете не боялся. Он был укротителем львов и тоже проделывал трюк с головой в пасти льва. Он мог проделать этот фокус с любым львом, но предпочитал Августа, старого, очень добродушного льва, на которого всегда можно было положиться.

Как я сказал вам, Уэллос – мы все звали его «Король Уэллос!» – не боялся ничего на свете, ни мертвого, ни живого! Это был отчаянный парень! В своем роде он действительно был король. Однажды он напился вдребезги пьяным, и многие не побоялись заключить пари, что он все-таки вставит свою голову в пасть Августа, причем даже не пустит в ход свой хлыст. Так оно и было.

Мадам де Вилль... —

Он замолчал. Позади нас раздался какой-то шум, и мой приятель неторопливо оглянулся. За нами стояла клетка, разделенная пополам. В одной половине находилась обезьяна, которая все время прыгала у прутьев решетки и вдруг просунула одну лапу в соседнюю половину, где проживал огромный серый волк, мигом схвативший приманку. Лапа вытягивалась все больше и больше, словно была эластичной, и товарищи несчастной обезьяны подняли неимоверный визг... Вокруг не оказалось ни одного служителя, так что укротителю леопардов пришлось встать, сделать шага два вперед и ударить волка по носу легонькой палочкой, которая была у него в руках. После того он с печальной, извиняющейся улыбкой вернулся на место и продолжал так, как будто бы никакого перерыва и не было.

– ...смотрела на Уэллоса, а Уэллос – на нее, а де Вилль весьма мрачно глядел на обоих. Мы предостерегали Уэллоса, но напрасно. Он смеялся над нами, смеялся и над де Виллем, которого однажды даже сунул головой в кадку с клейстером. Видно было по всему, что он ищет ссоры с ним.

От клейстера у де Вилля был страшно забавный вид. Я долго возился с ним, пока помог ему окончательно почиститься. Но он был холоден, как огурец, и ни разу не ругнулся. Все же я заметил злобный огонек в его глазах и вспомнил, что точно такой же огонек я часто видел в глазах хищных зверей. Поэтому я счел своим долгом сделать Уэллосу последнее предупреждение. Он снова рассмеялся, но все-таки с тех пор стал меньше засматриваться на мадам де Вилль.

Так прошло несколько месяцев.

Ничего такого не происходило, и я уже начал было надеяться, что и впредь ничего не случится. Мы тем временем все дальше двигались на Запад и остановились, наконец, в Сан-Франциско. Все, что я вам сейчас расскажу, произошло во время дневного представления,

когда весь цирк был полон женщин и детей. Мне понадобился Рыжий Денни, один из главных лакеев, который взял у меня карманный нож да так и не отдал.

Проходя мимо одной из уборных, я заглянул в нее через дырку в парусине, желая узнать, нет ли тут моего Денни. Его тут не оказалось, но как раз против моего глаза сидел Король Уэллос, в трико, дожидаясь своего номера в клетке со львами. Он с большим любопытством следил за ссорой двух артистов, работавших на трапеции. Все остальные, находившиеся в уборной, с таким же интересом следили за ссорой, – все, за исключением де Вилля, с нескрываемой ненавистью и пристально смотревшего на Уэллоса, который, как и все остальные, был слишком увлечен сценкой, чтобы отвлечься на де Вилля.

Но через дырку в парусине я лично все видел. Де Вилль вынул из кармана носовой платок, сделал вид, будто бы вытирает им пот с лица (день действительно был очень жаркий!) и в то же время обошел Уэллоса сзади. Он ни разу не остановился, только взмахнул платком и дошел до двери, где на мгновение остановился и бросил быстрый взгляд назад. Этот взгляд заморозил меня на месте, потому что, наряду с ненавистью, я прочел в нем самое доподлинное торжество.

«Де Вилль задумал что-то недоброе! – сказал я себе. – За ним надо последить». И я с огромным облегчением вздохнул, когда увидел, что де Вилль вышел из помещения цирка и вскочил в вагон электрического трамвая, который должен был доставить его к себе домой в пригород.

Через несколько минут я попал непосредственно в здание цирка, где, наконец, нашел Денни. Наступила очередь Уэллоса с его опасным номером в клетке львов – номером, который всегда оказывал сильное впечатление на публику. Сегодня он почему-то был в очень плохом настроении и так разъярил всех львов, что те подняли отчаянный рев на весь цирк. За исключением, конечно, Августа, который был слишком старым, жирным и ленивым для того, чтобы вообще из-за чего-либо раздражаться. Под конец Уэллос ударом бича поставил старичка на колени, и тот со своим обычным радушным видом раскрыл огромную пасть, в которую укротитель всунул свою голову. Вдруг челюсти Августа сомкнулись, раздался какой-то странный звук – и все было кончено...

Прежняя, мягкая, какая-то упорная улыбка проступила на лице укротителя леопардов, и грустное, отсутствующее выражение снова вернулось в его глаза.

– Вот так и погиб Король Уэллос! – сказал он низким, печальным голосом. – После того как всеобщее возбуждение немного улеглось, я воспользовался подходящей минутой, нагнулся над покойником и понюхал его голову. И чихнул.

– Вы хотите сказать... что?.. – спросил я, задыхаясь от волнения.

– Я хочу сказать, что то был нюхательный табак! – ответил он. – Именно табаком посыпал де Вилль голову Уэллоса, когда проходил мимо него. У старого Августа никаких злых намерений не было. Он просто чихнул!

Любительский вечер

Мальчик у лифта с пронизательным видом улыбнулся про себя. Когда он поднимал ее наверх, то обратил внимание на блеск в ее глазах и румянец на щеках. Маленькая кабинка, казалось, вся наполнилась лучистой теплотой от ее с трудом сдерживаемой энергии. А теперь, когда они спускались вниз, та же кабинка была холодна, как ледник. Исчезли блеск глаз и румянец щек. Она нахмурила брови, и тот крохотный кусочек глаза, который мальчик сумел разглядеть, был холоден и отливал сталью.

О, он прекрасно знал все эти симптомы! Он был очень наблюдателен и знал эту черту за собой точно так же, как знал, что рано или поздно, с годами, он тоже сделается репортером! Обязательно репортером! А в ожидании он терпеливо изучал жизнь, которая неустанными потоками стремилась вниз и вверх по лифту этого восемнадцатизэтажного небоскреба. Он весьма сочувственно открыл перед ней дверцу своей каретки и еще какое-то время после того следил за ней, когда она пошла по улице.

Особая крепость ощущалась в ее походке, и в этой крепости больше сказывалась природа, нежели городская мостовая. Крепость эта была очень утонченного свойства, в ней ощущалась изящная твердость, она дышала мужественностью, которая так редко свойственна женщине, и можно было с уверенностью сказать, что она унаследована от нескольких поколений искателей и борцов – людей, которые долго и упорно работали головой и руками. Далекие призраки этих людей маячили теперь из туманного прошлого, формировали дух девушки и помогали ей стать умелой устроительницей жизни.

Она была слегка раздражена, и самолюбие ее определенно страдало.

– Я заранее знаю, что вы можете и собираетесь мне сказать! – мягко, но решительно перебил ее редактор, когда она, наконец, удостоила его взглядом. – Вы уже достаточно мне сказали! – продолжал он (бессердечно – по крайней мере, теперь, когда она снова мысленно все переживала, она была уверена, что он разговаривал с ней самым бессердечным образом). – Вы никогда до сих пор не занимались газетным делом. Вы совершенно непригодны, недисциплинированы, не знаете азов! Вы, вероятно, кончили высшую школу. Возможно даже, что вы побывали в нормальной школе или колледже. Вы были очень сильны в английском языке. Ваши приятельницы восторгались тем, как чудесно вы пишете и как прекрасно, и как литературно и так далее, и так далее. Вы решили, что легко можете заняться газетным делом и пожаловали теперь ко мне. Ну, так вот: мне очень неприятно говорить вам это, но никаких свободных вакансий у нас в настоящее время нет. Если бы вы только знали, сколько жаждущих...

– Но раз у вас никогда нет вакансий, – в свою очередь перебила она его, – как же у вас устроились те, кто в настоящее время работают? Как я могу доказать и показать вам, на что я способна, если мне не суждено когда-либо попасть в число избранных?

– А это уж зависит от вас самой сделать себя незаменимой в деле! – последовал суровый ответ. – Станьте необходимой – вот и все!

– Но как же мне это сделать, раз не представляется подходящего случая?

– Найдите этот случай!

– Но каким образом? – настаивала она, делая весьма нелестный вывод об умственных способностях редактора.

– Каким образом? Ну, знаете, это уж ваше дело, а не мое! – решительно сказал он и встал как бы в знак того, что аудиенция окончена. – Дорогая моя, я должен уведомить вас, что только за последнюю неделю у меня перебывало восемнадцать барышень, желавших поступить к нам в редакцию, и у меня нет достаточно времени для того, чтобы обучать каж-

дую в отдельности. Те функции, которые я выполняю здесь, гораздо сложнее обязанностей инструктора из школы журналистов.

Она вскочила в вагон трамвая и всю дорогу, пока ехала, сотни раз мысленно переживала эту сцену объяснения с редактором.

«Но каким образом?» – повторяла и повторяла она про себя и снова задала себе этот вопрос, когда взбежала на третий этаж, где жила вместе с сестрой. «Каким образом?»

Она была очень упряма, как настоящая шотландка, несмотря на то что уже очень давно рассталась с родиной. И к тому же она действительно должна была найти способ проявить свои способности. Они с сестрой приехали из маленького, захолустного городка с тем, чтобы сделать в столице карьеру. Джон Виман был бедный землевладелец. В последнее время его дела пошли совсем плохо, и стесненные обстоятельства вынудили Эдну и Летти начать самостоятельную жизнь. Год пребывания в школе и вечерние занятия стенографией и машинописью показали им вполне достаточными для того, чтобы двинуться из родного города на завоевание столицы и... жизни. Они нисколько не сомневались, что их доблестные стремления к самостоятельной жизни завершатся успехом. Они были уверены, что столица кишит малоопытными стенографистками и машинистками, число которых с их приездом увеличится всего-навсего на два человека. Это не так важно!

Тайная мечта Эдны заключалась в том, чтобы сделаться журналисткой. Она предполагала сначала найти какую-нибудь случайную работу, а уже после того, в свободное время, выяснить, какую именно рубрику в газете она может освоить профессионально. Но, к сожалению, эта случайная работа ей, как и Летти, не попадалась, и с каждым днем все сильнее таяли их крохотные средства, между тем как цена на комнату нисколько не уменьшалась, а печь с неукротимой жадностью пожирала огромное количество топлива. В настоящее время они жили на последние крохи.

– Но ведь здесь живет Макс Ирвин! – сказала Летти, опять возвращаясь к наболевшему вопросу. – Это журналист с именем. Сходи, повидайся с ним, Эдна. Он знает, что к чему, и я уверена, что он все с удовольствием сообщит и тебе.

– Я ведь не знакома с ним! – возразила Эдна.

– Во всяком случае ты не знакома с ним точно так же, как и с тем редактором, к которому ты ходила сегодня.

– Да... – протянула, в какой-то мере соглашаясь с сестрой, Эдна, – но все-таки это не одно и то же.

– По-моему, нет большой разницы между ним и теми, кого ты будешь интервьюировать, когда станешь настоящей журналисткой.

Летти старалась подбодрить сестру.

– С такой точки зрения я этот вопрос не рассматривала! – отозвалась Эдна. – В сущности, ты права! Какая разница, интервьюировать ли Макса Ирвина для какой-нибудь газеты или того же Макса Ирвина для себя лично? Я могу посмотреть на это как на практику, и больше ничего. Сейчас же схожу и поищу его адрес в «Справочнике».

– Знаешь, Летти, – заявила она с очень решительным видом чуть позже, – я уверена, что при первом же подходящем случае я сумею написать именно так и именно то, что нужно! Я чувствую, что во мне есть эта самая жилка. Не знаю только, понимаешь ли ты, что я хочу сказать!

Летти поняла и покачала головой.

– Посмотрим, как ты возьмешься за дело! – мягко произнесла она.

– Я задамся целью во что бы то ни стало найти подобный случай! – уверенно заявила Эдна. – Все подробности моего ближайшего налета я сообщу тебе в течение сорока восьми часов.

Летти всплеснула руками.

– Господи Боже! – воскликнула она. – Вот так газетная жилка! Постарайся все это проделать в двадцать четыре часа, и тогда ты будешь молодцом!

– ...Мне так неприятно, что я беспокою вас! – закончила свою вступительную речь Эдна, обращаясь к Макс Ирвину, знаменитому военному корреспонденту и ветерану-журналисту.

– Что вы! Что вы! – с умоляющим видом замахал тот рукой. – Вы совершенно не беспокоите меня! Если вы сами за себя не будете говорить, кто же тогда станет говорить за вас? Я прекрасно понимаю, в каком вы сейчас положении. Вы хотите стать сотрудницей «Intelligencer», стать немедленно, но не имеете предварительной подготовки и практики. Прежде всего позвольте осведомиться, имеется ли у вас объект, на котором вы могли бы испытать свои таланты? Здесь, в городе, проживает с десяток человек, одна строка о которых раскроет пред вами все сезамы. После того уже от вас одной, от вашей ловкости зависит: победить или пасть! Вот вам, например, сенатор Лонгбридж или же Клаус Инскип, трамвайный король, или Лен, или Мак-Чесней...

Он выдержал паузу.

– Но я ведь ровно никого из них не знаю! – уныло произнесла Эдна.

– Да в этом нет никакой необходимости! Знаете ли вы кого-нибудь, кто знал бы их? Или же кого-нибудь, кто знает кого-то, кто знает их?

Эдна покачала головой.

– Тогда нам нужно что-нибудь придумать! – весело сказал Макс Ирвин. – Да, милая моя, вам надо что-нибудь также изобрести! Ну, давайте подумаем!

Он замолчал и на минуту задумался, наморщив лоб и закрыв глаза. Она не отрывала от него взгляда, внимательно изучая его лицо, как вдруг его голубые глаза широко раскрылись и весь он просиял.

– Готово! Но нет, подождите еще минуту!

И в продолжение этой минуты он, казалось, изучал ее, изучал до тех пор, пока под его взглядом ее щеки не покрылись густым румянцем.

– Да, – сказал он наконец с загадочным видом, – вам придется этим заняться, хотя я еще не знаю, насколько это вам удастся. Во-первых, благодаря этому вы сумеете проявить тот талант, которым, возможно, обладаете, а, во-вторых, то, что вы преподнесете читателям «Intelligencer», будет им в тысячу раз приятнее и интереснее, чем бог весть какие сведения о сенаторах и магнатах всего мира. Речь идет о том, чтобы провести любительский вечер в Лупсе.

– Я... я... не совсем понимаю вас, – до Эдны еще не дошла идея Макса Ирвина. – Что это за Лупс? И что такое «любительский вечер»?

– Ах, Господи, я и забыл, что вы из провинции! Ведь вы предупредили меня. Но тем лучше, если только, конечно, в вас есть настоящая журналистская жилка. Это будет ваше первое впечатление, а первое впечатление, как известно, самое сильное, непосредственное и безошибочное, свежее и яркое. Лупс – так называется одно увеселительное место – находится почти на конце города, близ парка. Там имеются игрушечная железная дорога, искусственные озера, оркестры, театр, дикие животные, кинематограф и так далее, и так далее. Большинство людей отправляются туда, чтобы посмотреть животных и поразвлечься, а остальные зрители присутствуют там с единственной целью: следить за веселящейся публикой. Чисто демократическое, очень живое, веселое варьете на вольном воздухе – вот что такое Лупс!

Он помолчал и продолжал:

– Но вас больше всего касается театр. Там ставятся в основном водевили, в которых участвует несметное количество исполнителей: жонглеры, акробаты, гимнасты, танцовщики

и танцовщицы, певцы-солисты, певцы-хористы, имитаторы и так далее, и так далее. Все эти исполнители – профессиональные артисты, для которых работа здесь является единственным источником доходов. Многие из них получают превосходный гонорар. Большинство – народ бродячий, кочевой, который работает там, где есть вакансии. Сегодня артист у Обермана, завтра в «Орфеусе», затем в «Лувре», «Альказаре» и так далее. Значительная часть их изъездила всю территорию нашего государства. В общем, жизнь у них довольно занятая, и к тому же работа оплачивается весьма хорошо для того, чтобы кандидатов всегда было больше, чем нужно.

– Теперь вот что, милая моя! Администрация этого заведения, чтобы привлечь еще больше публики, выдумала нечто, что назвала «любительскими вечерами». Что это за «вечера»?

Два раза в неделю, после того как профессиональные артисты заканчивают представление, сцена и вообще весь театр отдаются в полное распоряжение любителей. Право критики остается за той же публикой, которая, таким образом, является арбитром, – по крайней мере, она считает себя таковым, что в общем одно и то же. Зрители платят денежки, получают полное удовольствие, а администрация театра прекрасно зарабатывает на этом, что и требуется доказать! Но, видите ли, фокус заключается в следующем: эти любители – вовсе не любители! За свои выступления они получают наличные денежки. В лучшем случае их можно характеризовать как «профессионалов-любителей». Понятно, что администрация театра нигде не найдет таких дураков, которые пожелали бы бесплатно выйти на потеху и осмеяние публики, а случается, что зрители временами буквально сходят с ума. Это – самое лучшее и веселое развлечение для публики. Вот в этом и заключается ваша работа, которая, предупреждая вас, требует сильных и здоровых нервов. Вам надо два раза подряд выступить на этих «любительских вечерах», которые даются, если не ошибаюсь, по средам и субботам, а после того изложить в литературной форме ваши впечатления. Для читателей «Sunday Intelligencer» это будет такое удовольствие...

– Но... но... – заикаясь начала Эдна, – я... я...

Максу Ирвину нетрудно было уловить слезы и нотку разочарования в ее голосе.

– Я понимаю вас! – мягко начал он. – Вы, конечно, ждали чего-то другого, более интересного и привлекательного. Но мы все так начинаем. Вспомните-ка того адмирала королевского флота, который начал свою карьеру с того, что мыл палубу и чистил ручки дверей! Вы обязаны пройти всю трудную школу ученичества или же сразу бросайте все к черту! Ну, что! Как решили?

Резкость, с какой был поставлен этот последний вопрос, буквально ошеломила ее. В первую же минуту смущения она заметила, как тень разочарования начала расплываться по его лицу.

– В конце концов, рассматривайте это как пробу! – сказал он. – Правда, проба эта очень тяжелая, но тем лучше! Теперь вам как раз время взяться за дело! Так что?

– Я попытаюсь, – неуверенно произнесла она и подумала о том, какие прямолинейные, резкие и торопливые люди – все те, с кем ей до сих пор пришлось встретиться в этом большом городе.

– Господи Боже мой! – воскликнул Макс Ирвин, – когда я начинал мою карьеру... Если бы вы только знали, с каких омерзительнейших, скучнейших и противнейших дел начал я! И только после того, спустя довольно продолжительный и тяжелый промежуток времени, я перешел, наконец, на полицейскую и бракоразводную хронику. Но я работал настойчиво, шел к своей цели прямо и, как видите, ни на что жаловаться не смею. Вам повезло больше моего: вы сразу начинаете с работы для воскресного приложения. Конечно, и это не бог весть какая удача, но что из этого следует? Делайте свое дело, и больше ничего! Покажите сперва, на что вы способны, а все остальное приложится. Далее вы получите более ответственную

работу, которая повлечет за собой и более ответственное положение, и более высокое жалование. Ну, а теперь извольте отправляться в Лупс и проделать все то, что я вам наметил.

– Но в качестве кого и с чем мне выступить? – неуверенно спросила Эдна.

– В качестве кого? Ну, это совсем пустяки! Петь умеете? Нет? Тем лучше! Там вовсе не требуется голос. Визжите, пищите, делайте все, что вам заблагорассудится. За это вы получаете деньги и обязаны вызвать возмущение публики отвратительным исполнением тех или иных номеров. Имейте в виду следующее: после исполнения номера вам необходимо обзавестись каким-нибудь покровителем, который состоял бы при вас в течение всего вечера. Не бойтесь никого и ничего! Работайте вовсю! Двигайтесь между любителями, толкайте их, задевайте, изучайте, фотографируйте... в уме и так далее. Усвойте все особенности тамошней атмосферы, тамошних красок, странностей. Погрузитесь в Лупс с головой... Что это значит? Ну, милая, уж вам самой надо понять, что все это значит! Вы там на месте выясните, что делать и с чего начать! Старайтесь чутьем понять, что нужно читателям «Sunday Intelligencer».

Он добавил:

– Найдите строгий, скупой, выдержанный стиль! Пусть ваша фраза будет сильна, конкретна, выразительна, образна. Избегайте общих мест и расплывчатости. Сделайте естественный подбор. Схватите наиболее разительное, яркое, броское, а на остальное не обращайте никакого внимания. Дайте *картину*! Если вы найдете должное словесное обрамление этой картине, то «Intelligencer» будет ваш! Я вот еще что советую вам. Просмотрите несколько старых номеров этого журнала и постарайтесь разобраться в общем тоне помещенных там рассказов. Содержание вашего очерка вы сначала изложите в заголовке, а затем, в самом изложении, вы детально разработаете фабулу и все прочее. Приберегите на конец что-нибудь наиболее пикантное и интересное. Если редактор найдет, что вы слишком размазали, то он много помарает, но конец сохранит, и в общем весь ваш рассказ произведет должное впечатление. Вот и все, что я могу вам сказать. Все остальное вы сами должны понять и разработать уже в соответствии со своим вкусом и разумением.

Оба одновременно поднялись, и Эдна почти восторженно смотрела на этого человека, который сыпал меткими, быстрыми замечаниями и умело разъяснял ей все то, чего она не знала, но так жадно хотела узнать.

– И помните еще вот что, мисс Виман! Если вы человек честолубивый, то вы ни в коем случае не можете ограничить свою цель и стремления вот такими статейками самого незначительного удельного веса. Избегайте рутины. Помните, что такая работа носит всегда несколько трюковый характер. Владейте ею, но ни в коем случае не давайте ей овладеть вами. Эту форму вы во что бы то ни стало должны осилить, потому что если она вам не дастся, то ничто другое, литературное, не будет вам доступно. Короче говоря, вложите в это маленькое дело всю свою индивидуальность, рассмотрите его внутри, снаружи, с боков, сверху, снизу, но оставайтесь сами собой: помните это неукоснительно. А теперь позвольте пожелать вам всего доброго!

Они вместе дошли до дверей и обменялись крепким рукопожатием.

– И еще одна вещь! – остановил он поток ее благодарности. – До того как вы сдадите материал, принесите мне просмотреть его. Я думаю, что смогу внести в него две-три не лишние поправки.

Эдна нашла хозяина Лупса.

Это был полный, тяжелый мужчина, с необыкновенно густыми бровями, довольно мрачного вида, не выпускавший изо рта сигару. Как она узнала, его фамилия была Саймс. Эрнст Саймс.

– Что делаете? – резко спросил он, почти не дав ей открыть рот.

– Лирическая певица, солистка, сопрано! – быстро, согласно совету Ирвина, ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.